

Воспоминания.

Я хочу написать о своем
предмете. Когда вкратце.
Если писать кратко, прожить
день, не хватит времени и
силы. Но я пишу свое
вспоминание, как в телевизоре, с блеском.
Как в песне поет ей:
«Кто жет однажды видел это,
тот не забудет никогда».
Я в это не верю, а пишу
и забываю этого небытия.
Когда не я одна так
живу, а почти все мое
поколение, и это из памяти
никогда не уходит. Кто
не видел и кого не волнует,
тот не берет на себя.

Я пишу, верю мне и
другим, мы это все пере-
жили, все выдержали.
Вспоминание совсем не удив-
ляет как, насколько человек
моментально такое выдержит.
Наверно можно люди были
терпеливые, как терпелив
чужие были, много растеряли
ища это, а хочется все так
каждо терпеть, это будет.

наше поколение, да и
одно, писю не так, как бы
хотелось, а как нам велели.

Да, жилось
не так, пережить
прощайте -

ПРЕДКИ

Деды

Наш отец, Серебренников Федор Фавстович, родился в 1880 году в селе Завьялово Алтайского края (степь) в семье крестьянина Фавста Алексеевича Серебренникова вторым ребенком. У него была старшая сестра Февронья 1878 года рождения. Родители звали детей Хоренька и Феденька. В те времена жили скромно. Летом пахали, сеяли, убирали, зимой дед Фавст рыбачил на озерах. Имели хозяйство: домик из двух комнат, лошадь и корову. Степь была очень широкая, до леса было далеко. С дровами было туго. На зиму делали из навоза кизяки топить печь.

Зимой 1882 года дедушка Фавст наловил рыбы, поехал по деревням продавать ее и не вернулся. Весной, когда озера растаяли, его нашли в воде. Бабушка узнала его только по бушлату. Дед был убит и брошен в озеро. Лошадь с санями не нашлась. Так и осталась наша бабуся Аксиныя с двумя детьми одна. В степи жить было очень тяжело. Она продала все и переехала жить в горы, в деревню Куяча тоже Алтайского края. Куяча только начинала застраиваться вдоль речки между гор. Бабушка овдовела в 20 лет. Молодой женщине с двумя детьми жить в деревне было очень тяжело и она решила выйти замуж за вдовца. У него была трехлетняя дочь Таня. Муж оказался нерадивым, нетрудолюбивым. Пришлось с ним разойтись. Но от него у бабушки остался еще один сын 1884 года рождения – Яков. Бабушка записала его на фамилию Серебренников и дала ему отчество первого погибшего мужа.

Когда нашему отцу исполнилось 5 лет, мать отдала его учиться грамоте к попу. Впоследствии он рассказывал, что поп был очень строгий, но учил хорошо. Учился Федор только 2 года. Дальше учить его сил у матери не хватило.

Родители

В 1897 году, семнадцатилетним, отец женился на нашей маме, своей ровеснице, Анне Ивановне Поповой, тоже из вдовьей семьи. Мама родилась в 1880 году в деревне Казанда Алтайского края, за горным хребтом от Куячи. У мамы отец умер в царской армии от головной боли. Детей осталось у бабушки шестеро. Мама была самая старшая, потом еще 3 сестры: Агапея, вторая Анна (Нютара) и Степанида, потом братья: Сегней и Марковей. Моя бабушка по маминной линии Василиса была женщина очень строгая, прямолинейная, работящая, бойкая. Она одна растила детей без всякой помощи. Жили скромно, работали на полях, держали скот, кормили себя сами. В те времена никто никому не помогал.

Сначала молодожены жили в семье бабушки Аксиныи. Первые дети наших родителей, Ксения и Урван умерли младенцами. Примерно в 1900 году отец с помощью дяди Яши (брата по матери) построил себе отдельный дом на окраине Куячи, которая называлась Хобда. Сруб этого дома позже перевезли в Куячу и он хорошо сохранился до сих пор. Потом женился и дядя Яша, ему построили дом рядом, там же на Хобде.

Мама с отцом до революции.

Дом, построенный на Хобде и впоследствии перевезенный в Куячу.

По жребью нашего отца взяли на службу в царскую армию и он долго служил. Служба шла хорошо, потому что он был грамотный. В первую мировую войну 1914 года он был на Японском фронте. Ранения миновал. Каждый год приезжал на побывку. И почти каждый год у мамы прибавлялся ребенок. Всего мама родила ему 12 детей (см. родословное дерево). Дети росли, помогали маме по хозяйству. Взрослели рано. Мой старший брат Яша заменял отца, а другой брат Гуря помогал ему во всем.

Гражданская война

После революции 1917 года отец не сразу вернулся домой, он принял революцию и пошел в красные партизаны и опять, хоть и редко, но появлялся дома и давал указания семье. В это военное время, в 1919 году родилась я – девятым ребенком мамы и седьмым из ее выживших детей.

В 1920 году – отца еще не было – к нам заскочили красные всадники с плетями. Мама сидела со мной грудной на руках. Всадники искали местного жителя – Черданцева. Черданцевы жили за горой – 2 брата в двух усадьбах с семьями. Сын одного из них был нашим зятем – мужем моей старшей сестры Макриды. Все эти Черданцевы не хотели воевать ни за белых, ни за красных. Красные схватили уже до этого обоих братьев и нашего зятя – сына одного из них -, завели в пустую избушку в Куяче и начали рубить саблями. Зятя с его отцом зарубили и тут заскочил Асипатр (*Cocunatr?*) Савельевич (возглавлял в Куяче Советскую власть) и остановил резню. Поэтому второй брат Черданцев уцелел, только все волосы побелели. А его сын скрывался по окрестностям. Вот его-то красные сейчас и искали. Маму трясло, как в лихорадке. Приезжие пытали ее, где она прячет Черданцева, но она его так и не выдала. Хотя на самом деле он прятался на берегу в кустарнике, а наша мама передавала ему еду со своими детьми. И когда маму пытали, этот же Асипатр (*Cocunatr?*) спас и ее, а то бы заporоли плетями. А наша Макрида осталась вдовой с годовалым мальчиком Матвеем.

ДЕТСТВО В КУЯЧЕ

Хобда

Я себя помню с 5-ти лет. Хорошо помню, какое было волнение в народе в 1924 году, когда умер Ленин. В наших краях все еще время от времени наезжали вооруженные люди и случалась перестрелка. Мы все прятались в подполье.

Отец наш вернулся из партизан и стал налаживать хозяйство. Увеличил посевные пашни. Были лошади, много коров, овец, гусей, уток, кур, свиней. Было 4 собаки. 2 ружья все время висели в сенях на стене. Был молотильный барабан, на нем молотили снопы: пшеницу, овес, рожь. После того, как на нем случилась трагедия, его отставили и купили молотилку-самотряс. На ней зерно само отделялось от соломы. Была веялка (из зерна отдували мусор), железные грабли, косилка (косили сено и жали зерновые). В это время у нас в доме жило 19 человек. Братка Яша с женой – у них уже было 2 сына: Иван большой и Иван маленький (Маля). Брат Гуря тоже был женат и у них уже был мальчик. Все жили в одном доме из двух комнат. Летом все жили в поле – там работали, там и спали. Домой поздними вечерами приезжала только мама, иногда со снохами. Подоит коров, поставит тесто, утром испечет хлеб, опять подоит коров, отправит их в поле и едет на пашню, везет всем работникам продовольствие. Летом питались только хлебом, зеленым луком, свежими огурцами, да квасом. Мяса летом не было, если только не оставалось от зимы. Тогда его в марте вялили на солнце. Суп из этого мяса был очень вкусный. Дома летом оставались одни дети. Когда брату Кузе было 7-8 лет, он уже был на покосе, возил копны на коне. А мы все оставались дома и почти не видели маму. Она приедет – мы уже спим, а утром уедет – мы еще спим. Она нам всегда привозила пучки, которым мы были очень рады.

Это было с 1924 по 1928 год. Нас, ребятишек, соседских и своих, было много. Мы всей гурьбой ходили на речку купаться. Феня была ребенком – она лежала на солнце на гальках на берегу, а мы все – в воде. Вот что мы ели, этого я не помню. В 1927 году меня Гуря учил косить траву косой, а Гурина жена Даша учила меня вязать снопы за жнейкой, мне было 8 лет. Домой с поля приезжали в субботу затемно вымыться в бане. Баню топить приезжала пораньше мама. В воскресенье не работали. Женская работа не в счет. Мама со снохами вставали рано, доили и выгоняли коров, пекли хлеб. Отец рано вставал, будил ребят, чтобы шли в поле напоить и

перегнать лошадей на лучшую траву, и шел в церковь. Если воскресенье было погожее, то ребята и девчата собирались на полянке и устраивали разные игры.

Музыки не было. Наш Гуря играл на гребешке для волос.

Девчонки плясали, а мы, подростки, смотрели на них.

В понедельник еще затемно опять уезжали в поле все, кто уже мог там работать. Чем дети играли? Если в доме, то девочки делали себе сами куклы: любую тряпку свернем, завяжем ниткой и завернем в другую тряпку. Это у нас были куклы. Изредка мама сошьет куклу, но обычно ей было не до кукол. Отдыхала ли она когда-нибудь?

Все сезонные работы делались в свое время и одна работа подгоняла другую. Отец наш был строгий, все ему подчинялись с полуслова. Когда все посева в поле были убраны, начинали молотить, успевая до морозов. Зерно нужно было перевеять, просушить и ссыпать в амбар. Сажали в поле картошку, мак, коноплю, горох, просо – все росло, и все старались убрать до снега. В то время у нас еще сеяли коноплю. Семя шло на масло. Конопляное масло было вкуснее всех растительных масел. А из высушенных стебляных волокон сучили веревки. Конопляное волокно было как капрон – очень крепкое. Лен мяли, когда уже было холодно. Сначала его сушили в бане, потом трепали трепалами из дерева, чесали щетками (гвозди, набитые на досочку). Только потом начинали прясть нитки. Все женщины умели прясть тонкие льняные нитки, а девочки-подростки, как в то время я, пряли из гребни нитки потолще на половики и мешки, потому что мы еще не умели прясть тонко и ровно. Мама прядла ночью, при луне, часто и я с ней – это было интересно. Остальные тоже сидели допоздна, пока сон не сморит. Спали в обеих комнатах на полу и на полатах. Кровать в доме была всего одна. А мама при луне прядла, не хотела, чтобы свет мешал тем, кто спит. А еще женщины шили, вязали и вышивали. Мужики зимой возили сено с поля по зимнику (замерзшей дороге), возили лес на дрова, пилили его, кололи. Всегда был запас сухих дров лет на пять. Отец зимой подновлял сбрую для лошадей, сани, телеги и выделявал овчины. Для шуб овчины красили. Краску для овчины тоже делали сами: обдирали кору с дерева *ТАЛИНЫ*, сушили ее, а потом варили. Овчина, покрашенная такой краской, называлась дубленой. А на черную овчину краску покупали. Еще отец выделявал кожу для обуви и шил летнюю обувь. А к зиме катал валенки. Мог он и шить шапки, полушубки и тулупы, вязал варежки. Варежки были очень мягкие и теплые. Мама тоже вязала варежки крючком. Еще отец шил из овчины рукавицы. Сибирская зима много требовала. А вот носки никому не вязали, даже детям. На это не хватало времени. Носки заменяли портянки: зимой в валенки, а летом в сапоги. Сапоги тоже отец шил. Была у нас пасека, но мед обычно шел на продажу. Отец ездил в Бийск торговать. Продаст и привезет взамен какого-нибудь ситцу или тонкие тканые платки для праздников. А так почти вся одежда и обувь были свои. Брюки мама шила сама. Для брюк и осенней одежды пряли тонко овечью шерсть и сами ткали полотно. Из льна пряли тонкие нитки, красили их разными красками и ткали чудесные ткани на платья, юбки, кофты и мужские рубахи. Некрашенные белые ткани – для полотенец и скатертей. Осенью с началом морозов забивали скотину и резали домашнюю птицу на всю зиму. До марта висели туши, а остатки мяса в марте солили и вялили для лета. Куры зимой не неслись. Вот так мы и жили на Хобде, близ Куячи. Мало спали, но у нас было все и круглый год всего хватало.

Старшая сестра Макрида (я звала ее нянькой), овдовевшая в 1920 году, вышла второй раз замуж за Гуляева Ивана и уехала к нему на Заимку вместе со своим сыном Матвеем.

Брат Яков со своей семьей тоже от нас отделился.

Примерно в 1928 году Советская власть начала борьбу с неграмотностью. Стали обязывать учиться. Кроме мамы и отца все взрослые ходили на «ликбез» (ликвидация безграмотности) в частный дом. Учителем был Леня Копусов. Я тоже туда ходила со старшими, а днем ходила в свою детскую школу.

В 1928 году у нас организовали Коммуну. Весь скот согнали в один пригон и приставили к ним доярок. Председателем поставили нашего отца – он в деревне был один грамотный. Доярки доили коров и всем коммунарам разливали молоко поровну на членов семьи. Но работать в коммуне никто не хотел. Она существовала только одно лето. Тогда тех мужиков, кто не хотел вступать в коммуну, начали арестовывать и увозить в неизвестном направлении. Так, был арестован Беспалов Василий, муж нашей тети Хори (Февроньи, сестры отца), Субботин Емельян и Черданцев. Позднее сослали и их семьи. Сослали тетю Катю Субботину с 9-ю детьми (8 дочек,

старшей – 17 лет и один сын) и матерью. Также и Черданцеву с 8-ю детьми сослали. И нашу тетю Хорю Беспалову с двумя сыновьями: Фалеем с женой и двумя дочерьми и 13-летним Кирюшкой. Сослали в тайгу на север по притоку Чулым реки Обь. Как только эти три семьи сослали, их дома сразу разрушили. У Субботиных был 2-этажный дом. Его ломали, возили к сельсовету и пилили на дрова. Дом Черданцевых тоже на дрова пошел. А тети Хори дом, который стоял за горой, разобрали, перевезли и поставили около сельсовета.

Этим трем семьям как-то удалось сбежать из ссылки. Женатый сын нашей тети Хори (мой двоюродный брат Фалей Васильевич Беспалов) со своей семьей не стал возвращаться в Куячу и после побега уехал с семьей на Дальний Восток. А остальные вернулись в Куячу, где оказались бездомными. Тетю Хорю с сыном Кирюшкой отец взял к нам в дом.

Наш дядя Яша (брат отца по матери) не стал дожидаться ареста и высылки, а собрал что мог и однажды ночью зимой 1928 года его семья из 10 человек (сам с женой и 4-мя несовершеннолетними детьми и семья старшего сына из 4-х человек) тайно погрузилась на сани, доехала до Бийска, где лошадей и сани продали и поездом уехали в Хабаровский край. За ними следом и мой брат Гуря с женой Дашей и сыном Петей и только что вышедшая замуж моя сестра Саня со своим молодым мужем Георгием Фефеловым уехали в Хабаровский край. Уезжали все ночью.

1928 год, 3 свадьбы в Куяче
пара справа: сестра Саня (стоит),
ее муж Георгий Фефелов (сидит)

1928 год, Бийск, братка Яша (стоит
слева) и тетка Февронья (сидит слева)
проводят Гурю (стоит в середине)
и Саню (сидит справа) с ее мужем
Георгием (стоит справа), на Восток.

У нас в семье 3 коровы доились, поэтому нас зачислили в кулаки, как бы отец ни доказывал, что он не кулак, ничего не помогло. Спасибо, что не арестовали, как бывшего красного партизана. Сначала

семья Федора Фастовича Серебренникова
1931 год, накануне ссылки
село Куяча Алтайского края Алтайского района.
слева направо:
сидит - Февронья 1919 г.р.; Омелия 1921 г.р.; Кузьма 1917 г.р.
сидит - Федор Фастович с Федоритом 1927 г.р.;
Февронья 1924 г.р.; жена Анна Ивановна

обложили денежным налогом. Когда нечем стало платить, стали облагать налогом на зерно. Все зерно выгребли, скота стали забирать. И еще одно обвинение добавили, что пустил к себе в дом кулаков-беженцев (свою сестру с детьми).

ССЫЛКА

Отъезд

К весне 1931 года забрали все продовольствие. Когда разлились реки – собрали 6 семей: нашу, те три семьи, что сбежали из ссылки, и еще 2 семьи. Выделили на всех 2 лошади с телегами. Забрали у нас всю теплую одежду: шубы, полушубки, домашнюю утварь: половики, всю посуду. У отца было много инструментов, их не взяли. Инструменты ведь нужны для работы, поэтому оказались никому в коммуне не нужны. Отец забрал целый мешок с инструментами, еще взял палатку и котелок. На 2-х телегах везли имущество 6-ти семей. Субботина сидела на телеге, ей было за 70 лет. Остальные все шли пешком. Три вооруженных сопровождающих ехали верхом.

Дорога

До Бийска добирались 5 дней. По пути из каждой деревни добавляли раскулаченных и получился порядочный обоз. В Бийске погрузили в товарные вагоны. В вагоне по обе стороны были сделаны нары. Народу – как селедки в бочке. Дверь на подшипниках задвинули и снаружи закрыли на засов.

Привезли в Новосибирск и погнали на речную пристань. А там уже весь берег был заполнен ссылными «кулаками». Вокруг полно охранников. Стали грузить людей на баржи и проверять по списку, не убежал ли кто. Погрузили 4 баржи, на каждой примерно по 400 человек. Все баржи потащил буксирный пароход вверх по Оби. Продуктов никто не выдавал, а взятые из дома кончились. И уже на баржах начался голод. Да еще добавилась дизентерия, потому что многие пили сырую воду из реки.

С Оби свернули на ее приток – реку Кеть. Сначала по берегам попадались деревни, и их жители выходили на берег, чтобы на нас посмотреть. Потом не стало видно и берегов. Только вода и даже лес в воде. С Кети свернули на реку Чачамга, а вода в ней была цвета крепко заваренного чая. Сколько ночей везли по воде, не помню. Мы были на палубе, потому что в трюме было нечем дышать: столько было людей.

Поселение

Показался островок земли, причалили, одну баржу отцепили и оставили, а три потащили дальше. На следующем острове отстегнули еще баржу. А потом и третью, нашу, вторую от парохода, причалили и отцепили. И еще одну баржу утащили дальше. Стали мы выгружаться. Вещей почти не было. На берегу – мелкий кустарник, не пролезть. И комаров, как пчелиные рои. Почти одни женщины и дети. У них даже топоров не было. Крик, плач и маты. Стали рубить ветки и разводить костры хотя бы от комаров. А ведь нам отец еще в Куяче говорил, что нас не в готовые дома повезут, а осваивать тайгу. И взял все инструменты, и даже продольную пилу для распиливания бревен на доски. Тут нам сгрузили с баржи несколько мешков ржаной муки и соль и раздали всем понемногу. У кого была посуда – стали варить себе болтушку и стали строить каждый сам себе шалаш. Лес был хвойный и поэтому темный. Небо было видно только в просвете сверху.

Отец построил нам жилище. На пеньках, примерно 40-50 см от земли настелил из круглого леса пол, стены – из пихтовых веток, на пол и в изголовье тоже положили пихтовую хвою: она очень мягкая. Двери закрывались палаткой. Место нашей высадки казалось нам островом – со всех сторон вода: с одной – река, а с остальных – болота. Весь «остров» не больше гектара. Позже, когда после весеннего разлива река вошла в свое русло, оказалось, что с одной стороны – «согра» водяная, которую можно пройти и за ней опять лес, а с двух сторон болота, покрытые водой, на них ничего не росло. Через одно из них потом сделали переход и примерно через полкилометра выходили на моховое болото с сухими возвышенностями. В первую очередь построили ларек без окон (не было стекла) для хранения пайковой муки. Отец облюбовал для постоянного жилья место, где было много сухого леса на корню. И стали строить избу 4 на 4 метра. Семья наша состояла из отца с мамой, брата Кузи 14-ти лет, меня 12-ти лет, брата Анисима 10-ти лет, сестры Фени 7-ти лет, брата Феодорита 4-х лет и тети Хори с 13-летним сыном Кириюшкой. Такой семьей и строили дом. Тоже без окон. У отца были и веревки, и даже рубанок. Строили без единого железного гвоздя. Мох – рядом. На пол и потолок отец с Кузей распиливали бревна на доски и даже строгаи их.. Навесы для дверей и гвозди делали деревянные. Лес сухой, изба получилась

теплая. Земля там была – глина и песок. Из них сбили русскую печь. Мама сразу сделала из глины всем по чашке и горшки для готовки еды. А отец сделал деревянные ложки и поварежку, кадушку, шайки, ведра. У нас ведь с собой кроме котелка никакой посуды не было. Осенью привезли стекло и отец прорубил 2 окна. Сделал полати на высоте примерно с полметра от потолка. Мы, дети, на них спали.

Первая зима

Первая зима была суровая. Почти все, кроме нас, выкопали землянки. Многие болели дизентерией, потому что использовали сырую воду из реки. А мы брали воду из болота рядом с нашей избушкой, а зимой топили снег. Позже людей настигала малярия, цинга, тиф, чесотка. У приставленного медика от всех болезней был только аспирин. Люди стали умирать. Хоронили их недалеко от нас, метрах в 50-ти. С осени еще делали какие-то гробы, а зимой уже просто без гроба на санках привезут и свалят в снег. Потом весной комендант заставил все трупы зарыть в землю. Если человек умирал в начале месяца, то оставшиеся были рады, что паек получили, и он остался в семье. А если в конце месяца умирал, то мертвого держат, пока не получат паек на следующий месяц, а уж потом хоронят.

Люди из землянок стали проситься к нам. Отец сделал двойные нары и у нас зимовали 40 человек. Мы все заболели чесоткой по всему телу. Чем больше чешешь, тем больше чешется. Расцарапывались до крови. Отец где-то доставал березовый деготь и мама мазала им нас всех с ног до головы. А потом смывала щелочной водой из древесной золы. Было полно вшей. Стали шататься зубы от цинги. Болели дизентерией. При поносе не успевали не то что на улицу выйти, а до ведра дойти. Дышать совершенно было нечем. Отец нас, своих детей, каждый день выгонял на улицу и заставлял работать: снег отгрести, дрова заготовливать. Многие из наших жильцов до весны не дожили. Мы переболели всеми болезнями, но смерть нас обошла.

Паек муки был такой, что хватало только на болтушку. Наши родные, которые уехали на Восток, стали посылать нам посылки. Дядя Яша с семьей обосновался в Хабаровске, все стали учиться и работать и превращаться в свободных городских людей. Они выслали нам привезенные из Куячи и ненужные им в городе шубы, полушубки, валенки. Брат Гурий посылал нам посылки с сухарями и сушеной рыбой – просто в мешках. Это нам очень помогало.

Людоедство

В первые годы был страшный голод и в семьях случалось людоедство. Ели и умерших своей смертью родственников, а иногда и убивали. В первом поселке в семье Кытмановых после смерти матери в первую зиму, на вторую зиму 3 сына зарезали своего отца, спустили в подполье, и долго им питались. Их так и звали – людоеды. Но никакого следствия не было и никого за это не судили.

Была такая история с семьей Фоминых. Яков Фомин был сослан с женой и 9-ю детьми: 8 дочек и 1 сын. Решили с женой бежать по одному, и, как-то летом, Яков еще с двумя мужиками ушел. С собой были только спички, соль и ножи. Долго блудили, дичи не встретили, ели одну траву. Когда силы кончились, решили тянуть жребий, кому умирать. Проигравшего зарезали, жарили на костре, ели и шли дальше. Вышли к какому-то руднику, все рассказали рабочим, жившим там в двух бараках. Те взяли их на работу, отмыли, откормили. И стал Яков посылать семье продукты и ткани. И девчонки Фомины ходили у нас хорошо одетые и не умирали с голоду. На четвертый год после побега по совету сотрудников Яков стал хлопотать, чтобы семью отпустили к нему. Как только он объявился, ему под угрозой ареста приказали вернуться в ссылку. Яков вернулся где-то перед войной и стал работать у нас в колхозе и рассказывал эту историю спасения семьи. Потом ушел на войну и пропал.

Эволюция

Образовавшиеся на местах выгрузки ссыльных с барж поселения стали называться по номерам в порядке высадки. Наш поселок был № 3. Он был километров на семь дальше вверх по реке от первого и километров на пять – от второго. Место последнего поселения – поселок № 4 – был еще дальше нашего километра на три. Постепенно люди проложили дороги от поселка к поселку. В первую зиму в нашем поселке была создана промартель. Делали черенки к вилам, лопатам, граблям и дранку для штукатурки. Наша семья драла дранку. В лесу рубили сосны, распиливали их на чурки длиной в 1 метр, привозили домой на санках, которые отец сам сделал. Чурки кололи на 4 или 8 частей, в зависимости от толщины. Закладывали в протопленную

русскую печь. Распаренные заготовки расщепляли («драли») на рейки шириной в полтора сантиметра и длиной 1 метр («дранки»). Связывали их в вязанки по 100 или 200 штук и сдавали. За это что-то платили, а главное, давали паек. Отец стал работать на стройке. Сначала построили контору для руководства.

Гурий. 1-й приезд.

Во вторую зиму к нам приехал наш брат Гурий из города Биробиджана Хабаровского края. Он ехал поездом до Томска. Там купил лошадь с санями и 2 мешка ржаной муки. Добирался на лошади до нас где-то неделю. Был у нас три дня. Сидел и плакал, глядя на нашу жизнь. Во вторую зиму в избушке было людей меньше, чем в первую, но лечь ему все равно было негде. К тому же все болели чем-нибудь. Назад Гурия уехал на той же лошади, в Томске продал ее и с трудом добрался до Биробиджана. А там его сразу же за поездку к врагам народа арестовали и сослали на Соловки на 5 лет. А когда освободился и вернулся, то потерял семью. Жена от безысходности «прижила» ребенка от милиционера, а потом и умерла.

Будни

А мы продолжали выживать. На берегу Чачамги обнаружилась деревушка из 5 домов. Отец познакомился с одним старожилом тех мест. Мужик этот часто заходил к нам и всегда нам что-нибудь приносил: то булку хлеба, то застреленную им птицу. Потом эти 5 домов оказались брошенными, а жители куда-то уехали. Дальше на север были деревушки северного коренного народа – «остяков». Остякам было запрещено общаться со ссыльными и этого запрета, да и нас самих, они сильно боялись. Когда в деревне появлялись ссыльные, остяки закрывались в домах, и в магазинах ссыльных не обслуживали.

На третью зиму наша семья осталась в избушке одна. Тетя Хоря умерла, Кирюшку забрали в детдом. Остальные тоже или умерли, или сбежали. Отец сделал дома верстак и начал столярничать. В основном делал деревянные ведра и кадушки. Днем он работал на стройке, а ночью мастерил из дерева. В ночь на воскресенье (под выходной) грузил свои изделия на санки и вез в остяцкую деревню Алипки за 18 километров. Там у остяков выменивал то ведро квашеной капусты, то ведро картошки, то верхние капустные листья для засолки.

Года через 3 начали копать колодцы и питьевая вода стала чище.

Потом сгорела наша школа и на четвертую зиму мы все должны были учиться за 3 километра от дома, в поселке № 4. Там же в учебное время и жили, все в одной комнате, девчонки и мальчишки на одних нарах спали. А за сгоревшую школу арестовали и посадили на 3 года сторожиху Токареву, у которой из троих детей оставалась одна дочь Фекла, а двое детей умерли в первые зимы. Фекла осталась одна и с нами училась в 4-м поселке. А мать через год в городе освободили, она там осталась и как-то вытащила к себе Феклу, и та уже там продолжала учиться. Они были счастливы и все у нас им завидовали.

Постепенно оставшиеся в живых раскорчевали участки возле своих избушек и стали сажать в огородах, кто что мог. Одни посадят днем картошку, а другие ночью ее выкопают. Мы сажали картошку из ростков, вырезанных из картошки, привезенной отцом от остяков. Хранили вырезанные зимой ростки в древесной золе в подполье. Они были слабые, всходили не все.

Сельскохозяйственные проекты

Позже стали откуда-то привозить лошадей, плуги, бороны. В каждом поселке организовали колхозы. Паек давать перестали и стало еще хуже. Раскорчевали клочки земли между болотами. Завезли семена зерновых: пшеницы, овса, ржи и даже гречихи. Установили планы посева и поставок зерна государству, как и в обжитых районах. А земля была глинисто-песчаная. Собирали зерна 5-9 центнеров с гектара. Гречиха успевала только расцвести, но не вызревала, поэтому ее сеять скоро прекратили. Для скота стали заготавливать сено на зиму. Но лошади дохли одна за другой. Думали, что лошади были больные, и запрещали их есть. А люди все равно всю дохлятину ночью растаскивали, куда бы ее не увозили, и съедали. Потом стали зарывать. Все равно разрывали и растаскивали. Потом стали дохлых коней обливаться керосином и закапывать. Никто из людей от конины не заболел и не умер, значит лошади дохли от голода, а не от болезней.

Коровы

Потом завезли в колхозы коров. Летом коровы паслись на лугах за рекой. Там и трава была хорошая, но коровы ее не ели, потому что их заедали комары и гнус. Коровы забредали в воду по

голову и стояли так весь день, а головы и глаза были черными от комаров. Вечером пастухи делали дымовые костры и пригоняли коров. Так коровы всю ночь не ложились, а стояли у дыма. Доили их утром и вечером. У каждой доярки было 16 коров. И от 16 коров надаивали *одно* ведро молока! Одно лето в 1938 году я была дояркой, после дойки 16 коров носила на коромысле 2 неполные ведра молока на сепаратор. Колхоз план по поставке масла никогда не выполнял. Тогда коров раздали по семьям. У нас была корова и я ходила ее доить с пол-литровой кружкой.

Налоги

А налоги были большими. С коровы надо было сдавать масло. Если появлялся теленок, прибавлялась поставка мяса. Себе ничего не оставалось. Овец и кур ни у кого не было, но шерсть и яйца должны были сдавать. Если в семье появлялись деньги, то надо было деньгами платить налоги, а незаметно тратить деньги было негде. А без денег налоги за всех платил колхоз, и все колхозники были всегда в долгу у колхоза. Кто не работал в колхозе и не платил налоги, получали 3 года тюрьмы.

Беглецы

После создания колхозов людей вымерло еще больше. Пришлось объединить два поселка, наш и четвертый, в один. Из четвертого поселка всех перевезли к нам. И осталось из почти 800 человек из двух поселений всего 23 семьи в 23 избах. Многие семьи вымерли полностью.

Многие сбежали. Бежать можно было только летом по воде. Выдалбливали из бревен лодки – «обласки». На берегах реки стояли посты. Если плывущие по реке на обласках не причаливали по приказу к берегу, в них стреляли и убивали. Пешком летом было не уйти из-за бездорожья и болот. Зимой на дорогах между поселками тоже стояли посты и беглецов возвращали. Некоторые уходили на лыжах, но почти все в дороге замерзли. Никто никого не искал, потому что близкие не сообщали об уходе человека в надежде, что ему удалось сбежать. А сообщишь – будут искать и вернуть.

Многие беглецы терялись. Потом в лесу находились какие-то обутки. Говорили: наверное человек заблудился, ослаб, комары закусали, а звери и птицы доели. А если кто-то сумел сбежать и где-то устроиться на работу под чужим именем, то они уже жили тайно, не сообщая родным. Так терялись родственные связи. В Кузбассе многие из бывших ссыльных брали другое имя, работали в шахтах, женились и всю жизнь жили тайно. Некоторые дожившие до реабилитации нашли бывших родных. Но все уже были старые и каждый прожил свою жизнь с новой родней, воспитали детей под новой фамилией. Из-за этого многие до смерти не открыли своей тайны и не искали родных.

Учеба

Через год после поселения построили школу и на вторую зиму обязали всех детей учиться. В одном классе учились все дети от 7 до 15 лет (если не работали). Дети охотно шли в школу, потому, что там варили завтрак (какую-то баланду) и давали грамм 100 хлеба. Приходили со своими чашками и ложками. Ученики были настолько ослаблены, что на переменах их с трудом заставляли выходить из класса, вставать в круг и петь песни. Учителями были ссыльные молодые холостые мужчины из других поселков.

Со следующей осени в первый класс уже набирали только 7-летних. А мы все перешли во второй. Мой старший брат Кузьма перестал учиться с 15 лет, проучившись всего один учебный год. Пошел зарабатывать рабочий паек. Я и Анисим продолжали учиться в одном классе. Сестра Феня начала учиться позднее нас с первого класса.

Сначала в нашем поселке была только начальная школа – 4 класса. Семилетка была в районном селе Белый Яр, за 80 км от нас. Когда мы с Оней закончили четыре класса, район выделил нашему поселку 2 места в «неполную среднюю школу» для семей стахановцев (было такое движение по всей стране за перевыполнение установленных государством норм.). В нашем поселке звание стахановца было только у нашего отца. А в школе мы с братом учились лучше всех. Но правление колхоза решило, что двоих из одной семьи посылать нельзя, да и зачем девке учиться. Да наши родители и не смогли бы потянуть двоих учеников. Вот Анисима и зачислили в пятый класс в районную школу. Анисиму было 14 лет, а мне уже 16. Я очень хотела учиться, но поплакала и пошла работать в колхоз. Весной - на раскорчевку леса, летом – на покос за 30 км., а зимой на лесозаготовку. Началась моя трудовая деятельность.

Брат Анисим закончил в районе 7 классов и мечтал поступать в лесопромышленный техникум. Неделю шел пешком в город Колпашево. В приемной комиссии сказали, что из семей ссыльных не принимают. Вернулся Анисим к нам.

И вот мы все с разным образованием одинаково стали в колхозе работать: у Кузьмы 1 класс, у меня – 4 класса, у Анисима – 7 классов. Летом работали на полях, а зимой – в леспрохозе.

Анисим сочинял стихи еще с 11 лет. Они были очень грустные, с надрывом. Перед войной написал почти поэму «Юность» о своей несчастной доле. Все свои сочинения он писал тайно и прятал.

Феня, а позже и Феодорит, учились в школе, а на летних каникулах работали на прополке зерновых и собирали колоски.

Позже семилетку уже сделали на первом поселке, в Клюквинке. Феня закончила там 6 классов и бросила, ходить было не в чем, она стала стесняться. Феодорит закончил семилетку уже в войну.

Одежда и обувь

Тогда все дети ходили босиком. А работающим колхозникам давали лапти из льняных отходов, и черную сетку 20 на 20 сантиметров для накомарников. Накомарники шили сами из своих тряпок и шивали для лица выданную сетку. Чтобы мелкая мошка не пролазила через сетку, сверху на накомарник надевали еще одну тряпку, смазанную дегтем. В любую жару не снимали длинных брюк и рубах с длинным рукавом. Манжеты рукавов тоже смазывали дегтем. Редко у кого была вторая смена белья. Одежда изнашивалась очень быстро, хоть и стирали примерно раз месяц. Мыла не было, стирали щелоком, который сами и готовили из древесной золы: настаивали в золе воду. Этой же водой и тело мыли и волосы. Потом, когда раскорчевали больше площадей, мошкеры стало меньше. И еще построили колхозную баню.

Подножный корм

Еще школьниками мы с братьями Кузей и Оней носили из леса мешками незрелые кедровые шишки, в которых еще не было зерен. Мы бросали эти шишки в костер, чтобы на них сверху обгорела смола. Потом горелое соскребали, а остальную шишку съедали целиком. В первое ссыльное лето мы в лесу не находили никакой съедобной травы. Видели только папоротник. А когда стали корчевать лес и ходить по окрестностям дальше, то нашли черемшу и Иван-чай (у него до цветения мягкий и вкусный стебель). Когда появилась пахота, на ней весной всходил полевой хвощ. Мы называли его «пестики». Собирали и варили в соленой воде. Ели траву боржовник. Мы до ссылки в Куяче не собирали никакие грибы, хоть там и росли белые грузди и волнушки. По грибы ходить было некогда. А тут нашли сморчки и научились их есть. Сначала грибами люди часто отравлялись и некоторые даже умерли. Потому что ели сморчки отварные вместе с отваром, в котором оставался яд. А надо было отваривать, воду сливать, а грибы пережаривать, хоть и без всяких жиров. Со временем нашли и чернику, и бруснику, и даже черную смородину. Тайга оказалась очень богатая. В реке и озерах было очень много рыбы. Мы с Анисимом ловили много рыбы удочками.

Ягоды

Когда создали колхоз, то в лес стало ходить некогда. Даже свои огороды обрабатывали только ночью. Работали за трудовни, а выдавать на трудовни ничего не оставалось после сдачи зерна государству и заготовки семян. За 30 километров от поселка нашли большие луга для покоса. Сделали там заимку и человек 10 жили там все лето до самого снега и заготавливали сено. На заимке построили избушку. С одной стороны покосы, с другой – лес. Невозможно объяснить, как много там было ягод: черники, брусники, морошки, костяники. Просека рядом. Но мы никогда не могли даже в обед сбегать поесть ягод, не то что собирать впрок. Все друг друга боялись, а в первую очередь – бригадира, потому что его первого бы и осудили. Утром вставали чуть свет. На костре что-то сварим и быстро косить в любую погоду. В дождь трава косится легче. А в солнечную погоду сено сушили и скирдовали. Домой ехали со снегом. На одной телеге – косы, грабли, вилы, а сами шли пешком. По дороге полно брусники, она крепко висит до весны, хоть и под снегом. И вот на ходу забегаешь и рвешь бруснику – только дорогой и поешь. А чтобы на час остановиться и собрать ягоду домой, даже никому в голову не приходило. В сентябре начинались морозы, реки замерзали. Зимой шли работать в леспрохоз.

Пихтозавод

Один год я работала на «пихтозаводе». По приказу из района должны были наладить производство пихтового масла. За 18 километров от поселка в пихтовом бору у озера построили барак. В нем сложили печь и нары, сделали деревянный чан на 2,5 на 2,5 метра для пихтовой лапки. К низу бака подвели трубки с паром. Пихтовый лапник должен был в баке пропариваться. Сверху пар выходил в другую трубу, которая охлаждалась водой, превращался в жидкий пихтовый концентрат. Пихтовую лапку заготавливали летом, т.к. зимой ветки осыпаются. Надевали на ноги самодельные железные когти, лезли на пихту и срезали ветки, оставляя сучья сантиметров 20 от ствола. Верхушки пихт около метра высотой оставляли нетронутыми, чтобы деревья снова ветвились. Потом на земле большие ветки рубили на мелкие и складывали в кубический штабель 1м*1м*1м. Это была единица учета выработки. На заготовке работало несколько человек, все спали вместе в бараке. К зиме «завод» пустили. Производство было «непрерывное». Один человек привозил на лошади дров и хвой на сутки и уезжал. Остались сменные дежурные: сорокалетний Черданцев и семнадцатилетняя я. Один работает, другой отдыхает. Для получения пара внизу непрерывно топили печь. Для охлаждения верхней паровой трубы все время поднимали воду из озера «журавлем» в ведрах и носили по дощатому трапу снаружи барака на верх чана. Подбросишь в бараке в печь дров, и на улицу: «качать» воду из озера и носить по сходям наверх. Дрова – метровые чурки, тяжеленные. Опять в барак подбросить дров, и опять на улицу – таскать воду. Когда масло переставало выходить, то печь не топили, а разгружали чан. Кое-как снимали с чана крышку, и дежурный выбрасывал отработанную хвою вилами, а «отдыхающий» - откидывал эту хвою в сторону. В чане пар, на ногах лапти, ноги жжет и дежурный сам весь мокрый. Разгрузив чан, разжигаем печь, дежурство передается другому, и процесс начинается снова с загрузки чана свежей хвоей. Она укладывалась тонким слоем и все время садилась, потому что снизу подогревалась. Мы с Черданцевым делали вместе всю работу одинаково. Но ему отмечали 120 %, а мне 80 %, потому что он мужик. Мне там было сильно тяжело, и я решила схитрить, чтобы меня оттуда убрали. Когда пришла на выходной домой, заплакала и сказала отцу, что боюсь Черданцева, как мужика. Отец пошел в контору и попросил меня заменить, потому что тяжело и потому, что я боюсь Черданцева. Вызвали Черданцева, он рассердился и сказал, что после закладки чана будет на ночь уходить домой. Сутки одной оставаться в тайге мне стало еще хуже. Опять пришла домой и расплакалась. Тогда отец стал ходить после своего рабочего дня ко мне за 18 километров ночевать, а утром опять назад на работу. Сгоряча я однажды решила отрубить себе руку и убежать в поселок от этой работы. Уже взяла топор, но вовремя испугалась, что не дойду до поселка из-за потери крови. Так и осталась работать. На мое счастье завод вскоре закрыли, видно выгоды не получилось.

Рыбалка

В марте послали меня на подготовительные к рыбалке работы вместе с Марьянками: дядей Филиппом, дядей Мишей и сыном дяди Миши – Максимом. Опять далеко от поселка, на реку Старица. Они должны были делать лодки, садки (атарму), а я должна чинить невод и варить. Шли все на охотничьих лыжах, на нартах везли инструменты, снасти и продукты только на дорогу. Одну ночь ночевали на заимке, где летом покосы были. На второй день добрались до места. Маленькая избушка, 3 на 3 метра. Нары от стены до стены, на них сено. Печка-буржуйка. Мужики сразу поймали налима, которого я боялась брать руками, такой он скользкий. Но надо, значит делаешь. Варили на костре в ведре. Мужики сделали две большие лодки и 2 садка для рыбы (атармы). Это как сруб избы из бревен с полом, где-то 2,5 метра и в длину, и в ширину, и в высоту, только со щелями. Я готовила неводы и сачки. Рыба идет мулем всего ночи две. Это нельзя было прозевать и к этому времени все должно быть готово. Рыба пошла в мае ночью. Ее только надо было сачком черпать и садить в садок. Садки держатся на плаву в воде и рыба в них живая. В одну ночь заполнили оба садка, на вторую ночь рыбы уже было мало. Поплыли сдавать рыбу. Садки скрепили между собой и один человек сидел на садках и рулил. Лодки тянули садки. Остальные люди плыли в лодках. Когда со Старицы выплыли на большую реку, было страшно. Там как раз был ледоход: льдины и шуга. Могло наши садки разбить. Но обошлось, и мы доплыли до засольного пункта. Сдали из двух садков 7-8 тонн живой рыбы. Черпали ее также сачками. Домой приехали через 3 месяца. Ни разу не мылись и не переодевались. В чем ходили, работали, в том и спали. Интересно, что никто никакой заразой не болел. Я не знала, как отнекаться от

рыбалки, а некоторые просились туда, чтобы поесть рыбу. А мне она и дома приелась. Рыбачила я только одно лето. Целый день в воде, мокрый. Одежда высыхала, только пока варишь и обедаешь. Никто не переодевался.

Коневодство

Потом у меня заболела рука в предплечье. Так, что дышать и кашлять было больно. Мой брат Кузя был в то время конюхом и попросил меня себе в помощники. Конечно, он основную работу делал сам, а мне оставлял полегче: давать лошадям сено и воду. Был у меня любимый жеребчик Летчик. Он стоял в отдельном стойле, я его мыла на реке, кормила и поила, он признавал только меня. На нем я ездила верхом.

Пришлось мне на лошадях и пахать. Кони были голодные и слабые. В плуг запрягали по 2 лошади. Они устанут, остановятся. Одна ляжет, и за ней другая. Кнутом бить бесполезно. На всем поле я одна. Во весь голос матерюсь и рыдаю, присев к лошадям. Никто не видит и не слышит. И норму вспахать надо, и боюсь, что кони сдохнут – сразу в тюрьму. Ночью во сне тоже плачу и матерюсь. Мои родители верующие, сами не матерились, но мне ничего не говорили. А другим потом говорили: наверное, ей сильно тяжело, она во сне плачет и матерится. Ночью на полатах я втихомолку сочиняла тоскливые стишки. Родители нашли. Отец читал вслух, мама плакала.

Отец продолжал работать по строительству, мама летом в поле на прополке и уборке льна, гороха. И было нашим родителям уже около шестидесяти лет. Однажды 11-летний брат Феодорит поймал на жерлицу огромную щуку с метр длиной и принес ее домой на плече, как палку.

С 37-го года из нашей семьи работало уже 5 человек, а хлеба до нового урожая так и не могли заработать. Хлеб пекли пополам с картошкой, чтоб дотянуть муку до весны.

Летом со сводками о выполнении работ посылали в район нарочного пешком. Иногда и я ходила. Ночь отработаешь на молотье, а утром идешь бором и на ходу спишь. Кажется, люди вокруг, а очнешься – это пеньки. В пути ночуешь 2 ночи в поселках Карелино и Карбино, и на обратном пути так же, и хорошо отоспишься.

«Самоволка»

Раз мы с подругой Дашей решили тайно отлучиться из леспромхоза домой. Шли пешком домой 3 дня и 3 ночи. За работу в леспромхозе нам даже какую-то часть зарплаты выдавали на руки, а остальное перечисляли колхозу. Мы с Дашей пошли за 18 км в остяцкую деревню Алипку. К тому времени остяки уже не боялись ссыльных, и в магазине можно было что-нибудь купить. Мы купили сатина и ваты и отдали одной тетке сшить стеганое одеяло. Через 2 недели вернулись обратно в леспромхоз. Не сообразили по молодости, что такой самовольный «отпуск» будет неоплачиваемым. Хорошо, что нас под суд не отдали.

Макрида

В 1934 году в Куяче умерла наша самая старшая сестра Макрида. У нее остались дети: Матвей от первого мужа, зарубленного в 1920 году, и две дочери от совместного брака с Иваном Гуляевым: Вера и Гутя (Августа). Сам Иван Гуляев был осужден как зять кулака и враг народа (был председателем колхоза, и, видимо, «навредил»). Вера и Гутя жили сиротками «в людях». Иван вернулся из заключения и снова женился. У Веры и Гути появилась мачеха и сводный брат Владимир. Вскоре началась война и их отца, Ивана Гуляева, забрали на фронт. Матвей уехал в Новосибирск, сначала работал и жил в общежитии, а в войну потерялся. Искать его было некому.

Рождение детей.

Интересно, что до 1938 года в ссылке не рождались дети. А в 38-м первый ребенок родился у председателя колхоза. Потом стали жениться молодые, которые остались без родителей и повзрослели уже в ссылке. Заводили свой огород, домик. Спали на соломенных матах (веревочками переплетали солому до размера матраца). Ни постельного белья, ни одеял. Но как-то жили и детей заводили. Некоторые наши девчонки выходили даже замуж за остяков, чтобы выбраться из ссыльного колхоза. Думали, временно, а потом разведутся. Но потом заводились дети, и женщины наши так и оставались с остяками. Весной, до покосов, и осенью, перед леспромхозом, молодежь по вечерам устраивала танцы.

В 1939 году старший брат Кузя женился. Семья добавилась. Его жена Лена все время болела и почти не работала.

Одно лето меня прикрепили к поликлинике на втором поселке бонификатором. Я плавала на обласке и опыляла болотистые берега какой-то зеленой мукой от насекомых. За это мне платили 24 рубля в месяц. Это был хороший заработок. На эти деньги я купила тканей, сшила братьям по черным брюкам и белой рубашке, и самой себе сшила наряд. Будучи бонификатором, по ночам я все равно должна была в своем колхозе молотить или скирдовать зерно. Траву и деньги мне выдавал доктор в поликлинике на втором поселке. Доктору было лет 40, он был толстый, обрюзглый и неженатый. Где-то в августе доктор сказал, поедем, покажешь, где ты опыляешь. Поплыли на обласке, причалили к берегу. Он лег на скошенную траву и говорит: «Садись, отдохнем». Я говорю: «Да я и так устала сидеть» и осталась стоять. Доктор подождал и сказал, тогда поехали, и мы уехали домой. С тех пор я уже не работала за деньги, а пошла снова на трудодни. А доктор взял на эту работу Грапку Фомину со второго поселка. Вскоре доктор уехал, а Грапка родила ребенка. А комаров и мошки и вправду стало меньше.

Жили по-прежнему очень бедно. Спали под фуфайками, в которых ходили на работу. Фуфайки, брюки, сшитые шароварами, 200 грамм шерсти на рукавицы и чирки на зиму выдавал колхоз. Чирки – обувь такая, след кожаный, а голенище из мешковины. Брюки надевали поверх фуфаек. Стоимость всего этого «обмундирования» высчитывали из трудодней.

Перед войной отец на стройке уже не работал, да ничего уже и не строили. Он делал сани, телеги, сбрую для лошадей, крутил веревки и шил чирки в колхоз. Мама стала часто болеть, но летом в поле все-таки выходила работать.

*Примерно 1940 год:
сзади Февруся, Кузьма с
женой Еленой, впереди
родители, Березовка.*

Братья Серебренниковы в 1941г.,
Березовка Колпашевского района Томской
области, слева направо: Кузьма 1917 г.р. Федорит
1927 г.р. Онисим 1921 г.р.

Серебренниковы Февруся и Феврония,
1941 год, Березовка Колпашевского
района Томской области.

ВОЙНА

Гурий. 2-й приезд.

Гурия после лагеря вернулся в Биробиджан и начал жить с нуля. Незадолго до войны женился второй раз на городской красавице Паше. И решил съездить к родителям с молодой женой. Они еще дорогой услышали, что объявили войну, но решили все-таки до нас доехать, а уж потом в военкомат. В этот раз они от Томска ехали на катере до Колпашево, а оттуда катером к нам. Нам авансом выдали немного муки для встречи гостей. Они гостили 3 дня. Паша была потрясена нашей жизнью. Назад доехали до Новосибирска и Гурия решил сначала отправить Пашу домой. У Паши из-за нас появилось к Гуре отвращение и она при расставании пожелала ему пулю в лоб. А в военкомате его сразу арестовали за несвоевременную явку, 10 дней держали в КПЗ, а потом отправили на фронт.

Арест отца.

Отец у нас был сильно острый и невоздержанный на язык. Взрослые говорили, что и сослани-то его из-за непокорности и подтрунивания над властями. И позже в Березовке, нет-нет, да и скажет неосмотрительно что-нибудь. Мужики рассказывали, что даже в конторе на собрании он мог заметить, что сколько ни старайся, а с одной овцы две шкуры не снять (намекал на налоги). А вначале войны опять неосторожно пошутил с властью. Уполномоченный по сбору налогов перечислял, какие продукты или товары вместо денег отец может отдать в уплату налогов (мясо, масло, шерсть, и т.д.). Когда назвал яйца, отец сказал: пойду, спрошу у старухи, если разрешит, то отдам свои. Его арестовали и увезли в район. Шесть месяцев шло следствие, под угрозами взяли показания односельчан о всех прежних его высказываниях. За оскорбление власти при исполнении служебных обязанностей в военное время признали врагом народа и присудили расстрел. Кто-то оформил кассационную жалобу. В декабре 1941 года я привезла ему в тюрьму овчинный тулуп. Передачу с продуктами не приняли, сказали, что его здесь кормят, а сегодня повезут в Колпашево. Я дождалась. Подогнали лошадь с санями, на санях подстелено немного сена. Два милиционера вывели отца, толкнули в сани и накрыли моим тулупом. Даже не дали ему в сторону глянуть. Да он и так уже еле двигался. После этого у нас не было об отце никаких вестей. Люди говорили, наверное, расстреляли. В тюрьме города Колпашево он был, пока не пришел ответ на кассационную жалобу, где ему заменили расстрел на 10 лет лишения свободы. Тогда отца отправили в лагерь Кривошеково под Новосибирском.

Военное время.

В 1941 году на фронт сначала призывали комсомольцев и коммунистов. А в тылу начались «добровольные» займы государству у населения. Нас вызывали в контору и каждый должен был подписать заем в 500 рублей. Нас было 5 человек, значит 2500 рублей. Если не подпишешь, то по закону военного времени – трибунал.

Фене было 17 лет и она уже работала на рыбалке.

Из Куячи на фронт ушел наш брат Яков и два его сына, два Ивана. На братку Яшу было извещение, что пропал без вести.

От Гурия писем с фронта не было. Он в это время лежал в госпитале раненый.

Военный завод в Новосибирске.

В 1942 году у нас вместо комендатуры сделали сельсовет и стали на фронт призывать всех подряд. Тут и наша очередь пришла. Призвали меня и Анисима, а Кузя был еще дома. Феня на рыбалке. Нас собрали со всех поселков много и привезли на военный завод «1-й комбинат» в Новосибирске. Выдали паспорта (раньше мы, как ссыльные, жили без паспортов) и в паспорт поставили печать «1-й комбинат».

Мальчишек поселили в бывшее овощехранилище. Около метра высотой, стены в земле, крыша засыпана землей, в потолке 2 вытяжные трубы. Поставили 2 печки-буржуйки, их трубы вывели в вытяжные трубы. По обе стороны поставили топчаны, а посередине – проход. Ногами ложились к стене, а головами – к проходу. Были матрацы, суконные одеяла и подушки. Ребята доставали где-то дрова и даже уголь. У них было тепло, но пахло сыростью и плесенью. Вши были не только в одежде, но и в постелях. Белья на смену не было: и брать было нечего, да и ехали ведь на фронт.

Нас, девчонок, сначала поселили в бывшую столовую. Но к зиме перевели в бывшее мужское общежитие, деревянное, двухэтажное. На его чердаке для нас сделали из досок комнату: выгородили стены без окон и потолок. Была проведена лампочка, но свету никогда не было. В эту комнату поставили 6 топчанов с матрацами и суконными одеялами. Шесть девчонок: по 3 в каждую смену. Работали в 2 смены: с 8 часов утра до 8 часов вечера и с 8 часов вечера до 8 часов утра, - по 12 часов в сутки. Полмесяца работали в одну смену, потом пересменок – в другую. Была в комнате и печь, но мы ее всего раз за зиму истопили сломанным топчаном, а больше дров не было.

Мы никогда не раздевались: ни дома, ни на работе. Жили и работали в фуфайках. На ноги выдали «ботинки»: деревянная подошва, к ней приклеена брезентовое голенище с веревочками для завязки на ногах. Носков не было. Чулки-самовязки из льняных ниток. Наматываешь тряпку на чулок, и в «ботинок».

12 часов у станка, на обед – 15 минут: бегом в столовую и обратно. В столовой были высокие столы без стульев. Встанешь в очередь, тебе плеснут в жестяную миску «супа», почти одна соленая вода. Если кому-то попадалась скорлупа от картошки, то это считалось удачей и долго обсуждалось. Ложек не было. Суп выпивали из мисок через край, и бегом возвращались в цех. Картошку осенью выкапывали и оставляли в кучах прямо на поле. Зимой ее возили в столовую и варили мороженую и неочищенную, потом разводили горячей водой – это и был суп. Однажды мы с девчонками съездили на электричке на поле у станции Чик, набрали такой замороженной картошки, дома сломали топчан, топили печь, пекли картошку на печи и ели. Электричества не было, и окна не было. Свет от спичек и от печки. А стоимость топчана с нас потом высчитали в 5-кратном размере.

Всю 12-часовую смену на заводе были на ногах, ноги распухали. После смены грязные, пропахшие заводским дымом, шли в магазин выкупать паек. Хоть утром, хоть вечером там была километровая очередь в 4 ряда. Двигалась она медленно: продавец вырезал талон из карточки и взвешивал пайку на весах. Буханка ржаного хлеба весила 2 кг, а пайка была 800 грамм, мякиш в середине был сырой. Да еще и продавцы обвешивали. По дороге домой всю пайку съедали. Были случаи, когда пайки выхватывали из рук такие же голодные подростки. В общежитии без отопления и воды, в одежде и, даже в обуви, ложились на топчан и укрывались сверху матрацем и одеялом тех, кто был на смене. По согревшемуся телу начинали бегать вши, даже по подошвам ног. У нас была Люба Агапова, все придумывала какой-то выход. То думали ходить в общественную баню, хоть в предбаннике погреться. В предбаннике сидеть не разрешили, пришлось зайти в баню. Там был кипяток, а холодной воды не было, или наоборот – одна холодная вода. Да у нас и мыла-то не было. Распарились, но даже не обмылись. Оделись, и быстрее на работу. Еще пытались ходить греться на вокзал. Сядем, прислонившись друг к другу, и уснем. Тут как тут - милиционер и выгоняет: не положено. Если оставались деньги после выкупа пайков, то в коммерческой столовой покупали суп без талонов. Он был немного вкуснее заводского, иногда даже попадался кусочек картошки или капустного листа. Но, главное – он был горячим. Капусту тоже возили всю зиму с полей замороженной.

Сначала я работала на штабелевке железных деталей в форме пол-литровой бутылки. Бригада - 10 девчонок, стояли друг от друга примерно через метр и передавали из рук в руки эти детали. Почти все были из спецпереселенцев. А местные девчонки жили дома. Я стояла последней и складывала детали в штабеля высотой 2 метра: в ряду 20x20 стоячих деталей, потом фанера, потом следующий ряд. В цехе стоял большой чан с мыльной эмульсией, там мы обмывали руки. Однажды я где-то на заводе выронила пропуск. Дело подсудное, потому что по пропуску с завода мог выйти кто-нибудь из заключенных. Я в страхе 3 ночи оставалась в цехе и спала на полу у батареи, не раздеваясь. Ничего не ела, сильно распухла. На мое счастье, пропуск нашел порядочный человек и передал его в табельную. Меня вызвали, отчитали, но пропуск вернули.

Брат Анисим работал в другом цехе, тоже по 12 часов. Девчонки, с которыми я жила, работали в других цехах. У нас был очень хороший начальник смены – Тужиков. А начальником цеха была очень суровая женщина, Мария Константиновна Александровская. Вызвала она меня однажды и назначила бригадиром в мужскую бригаду. Я только рот открыла, чтобы возразить, как она закричала: «Молчать! Я бы тоже хотела возражать начальнику комбината, но не могу. Не забывай, что это война, приказ не обсуждается!». Так начался 1943 год.

В мужской бригаде было 3 мобилизованных мужика. Они были очень слабыми от голода и старались, чтобы их осудили, и отправили в лагерь. Но в лагерь их не брали. Одеты они были лучше нас: в стеганых ватных штанах и телогрейках, шапках. Правда, ботинки были тоже на деревянных подошвах. Обед они носили с собой и ели на месте, пока мы за 15 минут бегали в столовую. Этим работников кормили вечером и спали они в теплом бараке, раздеваясь на ночь. Им и постель меняли. Сначала они решили опоздать на работу, надеялись, что их сразу осудят. Но им присудили высчитывать 25 % из заработка в течение 6 месяцев. А зарплаты им и так хватало только на курево, да на выкуп хлеба по талонам. Тогда они опоздали второй раз. Им присудили на 6 месяцев уменьшить паек хлеба на 200 грамм. Осталось только 600 грамм хлеба. Стало им еще хуже, но в лагерь их не забрали. Эта наша «мужская» бригада занималась разгрузкой, погрузкой и штабелеванием крупных изделий – заряженных стволов. Детали были очень тяжелые, их от станка к станку перекачивали по столу, а в конце стола снимали и складывали в штабель, а в конце смены увозили на тележке в холодный склад. Мои «работники» под предлогом покурить уйдут один за другим в туалет на другом конце цеха, и оттуда не возвращаются. Я бегу за ними, а они сидят на полу у отопительной батареи и не могут встать, только и ждут, когда их отправят в лагерь. Меня и не думают слушать. Бегу назад к столу и снимаю сама стволы со стола в штабель. Тужиков если увидит, сбегает за ними, притолкает их, но ненадолго, и они опять уходят. В конце смены гудок прогудит – они сразу уходят домой, я стараюсь доделать, но иногда все равно изделия остаются не вывезенными в холодный склад. Как только увидит это начальница цеха, вызывает меня и грозит военным трибуналом.

Освобождение отца

В марте 1943 года нашего отца «активировали» из лагеря в Кривошеково по старости (63 года) и состоянию здоровья, т.к. он совсем не мог работать. Он нашел по адресу в Новосибирске того Черданцева, которого мама в 1920 году прятала в кустах от красных партизан и кормила, и который тогда сумел сбежать ночью с женой и двумя детьми из Куячи и поселиться в Новосибирске. Сам Черданцев работал на продовольственной базе и голода не ощущал. Отца они приютили и сообщили через знакомых Анисиму, а тот мне. Мы встретились с отцом. Он был похож на живой труп, с бритым лицом и головой (он из старообрядцев, которые никогда не бреются; даже в царской армии служил с бородой). Он немного оклемался, и решил пробираться на родной Алтай. Посадили мы с Анисимом его на товарный поезд до Бийска. С горем пополам на перекладных добрался до районного села Алтайское, а оттуда не было никакой оказии. Но слух про него дошел до Куячи, и за ним приехала на колхозной подводе наша невестка – жена братки Яши. От самого Якова с фронта не было никаких известий – как в воду канул. Только после войны стало известно, что он был в плену, и выжил. Отец поселился у невестки с детьми в том самом доме, который сам когда-то построил. Мастерил односельчанам, кто что попросит, а те ему что-нибудь давали за работу.

Работа матросом на пароходе.

Тем временем мне в моей мужской бригаде совсем стало невмоготу. Пошла я к брату Анисиму и говорю: «Сил нет больше за всю бригаду работать, а не выполнять задания – будут судить военным трибуналом, а я еще и из ссыльных, вдруг расстреляют. Уйду с завода, если даже поймают и осудят, хоть будет за что». Анисим отговаривал, а я все же решилась. Но с печатью комбината в паспорте невозможно бежать. Тогда я паспорт намочила и помяла, пошла в паспортный стол и получила новый чистый паспорт. Получила на май 1943 года хлебную карточку и не вернулась ни в общежитие, ни на работу. Все вещи были на мне и я отправилась искать работу.

В это время открылась речная навигация и меня взяли работать матросом на пароход «Пролетарий». Жить стала в двухместной каюте с женщиной Тасей и ее 5-летней дочкой. Пароход ходил вверх и вниз по Оби. Загрузка и разгрузка товаров на пристанях лежала на матросах. Я с трудом научилась носить на плечах по трапу и в трюм мешки с зерном по 70 кг. Сначала падала через пару шагов, а потом привыкла. А выгружать еще труднее: из трюма вверх по ступенькам. Мешки с сахарным песком весили по 90 кг. Потом появились приспособления для спины – «горбуши» (на лямках, как рюкзак), и стало легче носить, и руки свободные, можно придерживать. Позже на наш пароход пришел работать парень Гоша Коньшин из соседнего ссыльного поселка, который тоже сначала был на том же заводе, что и я. Он рассказал, что в

моем цехе висит приказ, что меня заочно военный трибунал осудил на 6 лет тюрьмы за дезертирство с военного завода. Однажды мы пристали к пристани в Колпашево. Гоша вышел на берег, а там мобилизованные на фронт ребята из наших поселков, и среди них мой брат Кузьма. Их погрузили на наш пароход. На следующей от Колпашева пристани мы встали под погрузку дровами и целых трое суток загружали пароход метровыми дровами. Кузя все время был в моей каюте, а у меня и покормить его было нечем. Кузя рассказал мне, как дома в Березовке осталась наша мама с Кузиной женой Леной и их ребенком, сестра наша Феня работает на рыбалке, а Феодорит сильно болеет. Призывников высадили в Новосибирске и увели на пересыльный пункт. Сообщили Анисиму, он пробрался к брату через высокий забор (призывной пункт охранялся и никого туда не пускали) и попрощался с ним.

Потом наш пароход стал возить железнодорожные шпалы и маршрут его сократился: Томск-Александровск-Томск. В Новосибирск мы не возвращались, а в это время и Анисима с завода призвали на фронт. Он целый месяц ходил на пристань, хотел меня увидеть, но так и не дождался. Потом мне передали, что его никто не провожал, и он сильно плакал.

Сестра Феня

Феня все это время работала на рыбалке. Появлялась домой 1 раз в месяц помыться в бане. В деревне была только одна колхозная баня. Феня придет, сама натаскает дров (летом на себе, зимой на санках), вымоется, переночует и опять уйдет. Им на рыбалке давали талоны на муку, если план выполняют. Феня оставляла дома свой талон на 3 кг муки, а сама надеется на рыбу. А рыба не всегда ловилась. Но как-то перебивалась.

7 октября Феня повезла на засольный пункт полный обласок рыбы навалом, килограмм 100. Плыла по реке Кеть. У берегов вода уже примерзала. Был ветер, а плыть надо было на другой берег поперек течения. Волной обласок перевернуло. Феня успела схватиться за борт обласка, и их понесло по течению. Сестра была в телогрейке, ватных брюках, чирках. Все намокло, отяжелело, руки примерзли к обласку. Берега пустынные, на крик никто не отзывался. В конце концов ее вынесло на какую-то мель. Она с трудом отцепила руки от лодки, поднялась и брела, пока не добралась до своих шалашей. Девчонки насилу ее отогрели, отпоили, переодели. А бригадир Асей Боровков был очень недоволен потерей рыбы. Он поехал в район и настаивал там, чтобы Феню судили. В районе люди опешили и сказали: «Боровиков, одумайся, она еле выжила, и ее же судить?». Он за свое – столько рыбы потеряла. Ему говорят: ну дадут Серебренниковой 3 года, рыба-то от этого не вернется. А маме уже кто-то в деревню передал, что Феня утонула. Сестра до самой своей смерти каждый год 7 октября плакала, вспоминая эту историю.

В войну почему-то и рыба не ловилась. Бригада сократилась до двух девчонок: наша Феня, да Дуся Нечаева. А бригадиром уже был Уразов. Зимой целый день на открытом озере тянут невод. А в нем часто только 2 щучки. Уразов одну берет себе, а вторую – девчонкам. Они эту щучку разрезали, солили и тут же ели сырую.

Однажды зимой сестра пришла домой, мама болеет, а брат вообще без сознания мечется с высокой температурой. Она попросила коня в колхозе и повезла в санях Феодорита в больницу в Максимкин Яр. Его положили в больницу с двухсторонним воспалением легких.

Максимкин Яр

В Максимкином Яру еще с царских времен был постоянный двор для остяков. При царе там отбывал ссылку революционер Яков Свердлов, поэтому после революции постоянный двор назывался гостиницей имени Свердлова. Но остяки никогда там не жили. Они приезжали на нартах в оленьих упряжках, ставили за деревней свои юрты, а оленей отпускали пастись в лес. Олени ели в сосновом лесу зимой и летом белый мох. В Максимкином Яру была и просто школа, и школа-интернат для детей остяков, но детей остяков там было мало. Деревня все больше заселялась русскими. Туда сбегали или выходили замуж за остяков ссыльные девчонки. Такие семьи жили уже в домах, заводили скотину (в основном, коров). Но больше всего у них было собак, которые жили вместе с хозяевами в доме. Собаки заменяли лошадей, на них ездили и возили. Были и охотничьи. Но злых собак не было.

Снова в Березовке (1943-44)

В августе 1943 года я стала думать, что делать после закрытия навигации, когда Обь замерзнет. Зимней одежды нет, жить будет негде. И решила я пробираться к маме, в Березовку. Как только наш пароход пришел в Колпашево, я сошла на берег, и больше не вернулась. Пошла

домой пешком, шла много дней, но молодые все выдерживают. Маму нашла на уборке гороха на колхозном поле, с радости наелась гороху. Председатель колхоза был милосердным. Отправил меня на покос за 30 км от деревни (хоть в конце августа уже почти не косили), чтобы меня милиция не нашла.

С покоса приехали, когда уже снег поля завалил. Начали готовиться на работу в леспромхоз. Мужиков по колхозам уже почти не осталось. Бригадиром и возчиком в леспромхоз отправили Осипа Одинцова, брата нашей невестки Лены. Ему в помощники определили 13-летнего Афоню. Остальные – девчонки. Осип взял с собой жену и двоих детей. Жену оформил конюхом и кухаркой. А свою мать Осип перевез к нам в дом, т.е. как бы к своей сестре Лене.

В это время Феодорита выписали из больницы после пневмонии, которую лечили в течение месяца только горчичниками. Он был очень слаб, но деваться некуда, побрел зимними лесными дорогами пешком домой. Устал, сел прямо на дороге и уснул. Провидение направило именно в этот день и час на эту дорогу сестру Феню во время ее ежемесячной побывки. Она нашла замерзающего брата, почти засыпанного снегом, наломала хвойного лапника и волоком притащила Феодорита в Березовку. Видимо, из-за осложнений он еще долго не мог ходить.

Несчастный случай в леспромхозе

Мы в леспромхоз добирались 3 дня по застывшим рекам. На участке получили инструмент и со следующего дня приступили к работе. Работали попарно. Я работала в паре с Тасей Марьиной. Нас привели на уже вырубаемый участок и приказали валить лес, какой остался. Там стояла толстая сосна с застрявшим на ней суком от поваленной раньше другой сосны. Я предложила эту сосну спилить, чтобы она не мешала дальнейшей вырубке. Сосну подпилили, и она начала падать, это последнее, что я тогда запомнила. Очнувшись я в темноте, от людского разговора. Незнакомый мужчина спрашивает: Ну, Серебренникова, поспала? Я дотронулась до своей головы – она обрита. Спросила, где я, говорят – уже 2 недели в больнице в поселке Палочка (тоже поселение спецпереселенцев), привез какой-то мальчишка, никто тут так и не понял, что со мной произошло. Никто после этого ко мне не приезжал. Предлагают завтракать, я удивляюсь, почему ночью. Оказывается, уже давно светлый день, а я ничего не вижу. Просветление в глазах стало наступать еще через неделю. Для еды меня усаживали и кормили без супов. Потом врач (тоже из ссыльных) расспрашивал, что же все-таки случилось, а я ничего не помнила. Он все удивлялся, что никто меня не навещает. Еще через некоторое время врач, никого не дождавшись, выписал меня из больницы. Выдали мне мою одежду и одеяло, в котором меня привезли. Надела я чирки, шаровары из мешковины, одеялом укрылась, как платком и пошла. Дошла к вечеру до одного из участков вырубке и зашла в избушку знакомой тети Агани, которая еще в первый год сбежала и работала в леспромхозе сторожем. Оказалось, что меня вез в больницу Афоня и тоже останавливался у нее. А маме сказали, что меня убило деревом. Я переночевала у тети Агани и на следующий день дошла до своего участка. Там мне Тася рассказала, что сосна повалилась на меня, я упала на спину, изо рта пошла пена. Она крикнула возчикам, которые были недалеко. Меня погрузили в сани, в бараче меня осмотрела наш медработник, которая и отправила меня в больницу в сопровождении 13-летнего Афони.

Бригадир и свояк Осип предложил мне съездить в Березовку и заменить большую лошадь, а заодно и зайти домой. Поехали. Лошадь Тамара еще тише меня шла. 3 дня ехала до дому лесом. Дорога в одну колею. В последний день навстречу ехал почтальон на лошади с колокольчиками. По правилам все должны были уступать ему дорогу. Я повела поводьями лошадь в сторону, она оступилась мимо твердой колеи, и упала. А почтальон, здоровый мужик, спокойно проехал мимо и уехал. Я быстро супонь развязала, чтобы лошадь не задохнулась. Хорошо, в санях всегда у всех были инструменты. Вырубила вагу, подтолкнула под лошадь, понукала ее, и ругала, и просила, и била, и плакала. Наконец, как-то мы с Тамарой поднялись и к ночи приехали домой. Мама меня уже похоронила, поэтому нет слов, чтобы описать, что с ней было.

Шел ноябрь 1943 года. Дома живым не пахнет. Света нет. Феня на рыбалке. Хлеба нет. Картошка в том году уродилась очень мелкая. Мама ее мыла и запекала в русской печи неочищенную. Солили и так и ели с кожурой. В сенях стояла мерзлая квашеная капуста. Больше ничего не было. Через неделю меня послал председатель колхоза, комсомолец Петя Лисицын, назад в леспромхоз на другой лошади. Там давали паек – 800 грамм хлеба в месяц. Можно было

бы из дома взять картошки, но было ясно, что и без меня ее до лета не хватит. В ту зиму у меня были сильно слабые ноги. Чтобы перешагнуть что-нибудь чуть выше сантиметров 30-ти, я поднимала ногу руками за колено. В деревне почти одни бабы с детьми. Зарезали и съели всех собак. Кошек не было. Кони и коровы тоже на грани вымирания. Наш председатель Петя, пожалев людей, распорядился забить одну корову и раздать мясо людям. Его осудили на 6 лет лагерей. Оттуда он вернулся после войны, больной туберкулезом и вскоре умер, оставив мать, жену и двоих сыновей. В леспромхозе я пробыла до марта 1944 года. Потом все вернулись в деревню, готовиться к посевной. А война продолжалась. Пришла похоронка на Кузю. У Лены умер Кузин сын, и она ушла жить к своей матери. От Анисима письма, хоть редко, но приходили. Почти все были с патриотическими стихами. Но почему-то он всегда писал, что от нас нет писем. Мама была неграмотная и сильно переживала, что не могла писать письма сыновьям на фронт своей рукой. Писали мы. Сейчас жалко, что писали тоже не часто.

Феня продолжала работать на рыбалке. Феодорит стал работать на всех полевых работах в поселке. Когда начался покос, я уехала с бригадой косить. Меня назначили бригадиром. В бригаде одни девчонки, ни одного мужика, чтобы метать стога. Стала я сама метать, а на стог поставила девчонку Иру. Как будто получалось, но когда стала вершить стог, он у меня повалился вместе с Ирой. Я упала на землю и заплакала от досады. Потом прислали нам на помощь старого и больного желудком дядю Мишу Марьина. Он больше корчился от боли, чем работал. Дотянули с покосом до снегов. Мама одна копала картошку и таскала в подполье. Иногда Феодорит помогал при луне, днем работал на колхозном поле. С осени меня не отправили в леспромхоз, а оставили в поселке. Работала возницей на двух лошадях, возила сено с покосов и дрова из леса. Зимой еду за сеном, снег выше метра, буран с ног сшибает. Сначала сама протопчу дорожку к стогу, чтобы лошадь ни на что не напоролась, потом ее подведу. Кладу вилами сено на сани, а его ветром сдувает. Привезу в деревню, ругают, что воз маленький, меньше 2,5 центнеров. Не верят, что ветер сдувает. Штрафуют на 10 трудодней.

Арест

В декабре 1944 года меня послали что-то отвезти в район на двух лошадях. Проехала 80 километров за 2 дня. Сдала груз. Ко мне подошел ветврач Гребенкин из соседнего поселка. Про него все говорили, что он стукач. Привел милиционера, который объявил мне, что я арестована за побег с военного завода. Я спросила, а лошади? Милиционер сказал, что Гребенкин уведет. Посадили меня в районную КПЗ, откуда позже переправили в Колпашевскую тюрьму. Женская тюрьма была переполнена «указницами» - осужденными по указу о военном времени. Сидели опаздывающие на работу или ушедшие раньше с нее; прогулявшие работу; продавцы, отоваривавшие карточки, за растрату; сбежавшие с военных объектов; нарушившие трудовую дисциплину, и т.д. Сидели с 14-летнего возраста. А я думала: война, в колхозах нет людей, а мы тут сидим, ничего не делаем, и нас еще кормят. В нашей камере было 11 человек, спали на каменном полу; под потолком маленькое окно. В соседней камере – ребята, то в стенку стучат, то поют. Их за это сильно били в коридоре резиновыми шлангами и садили в карцер. Шорка Зоя из нашей камеры, продавец, не выдерживала криков пацанов в коридоре, начинала стучать в дверь. Ее хоть и не били, но в одиночный карцер садили. Она оттуда возвращалась закованной.

В марте 1945 года нас перевели из тюрьмы в лагерь в восьми километрах от Колпашева, для работы на лесобработывающем заводе. Работали сначала в цехе, а когда река растаяла, стали грузить доски на баржи. Для меня это был невиданный доселе рай. Жили в отапливаемых бараках, спали на двухэтажных топчанах, заправленных постельным бельем, которое меняли каждые 10 дней и сдавали его в санобработку. Одели нас в новую теплую одежду, не беда, что в лагерную форму. Каждые 10 дней нас водили в баню. Санэпидемстанция следила за чистотой и не допускала болезней и эпидемий. Не было ни клопов, ни вшей, ни тараканов, ни блох, ни сверчков, ни комаров. Кормили 3 раза в день! Неважно, что не очень вкусно и сытно, но кормили. Стали приходиться письма из дома. Из них я узнала, что и на Анисима пришла похоронка. Почему-то некоторых мужиков, ровесников нашим братьям, из наших деревень на фронт не взяли, как например, братьев Одинцовых, Осипа и Потапа. Этот Осип, как колхозный бык, ходил по всем видам.

А потом мне написали, что отца привезли снова в Березовку. Как оказалось, он настолько оправился в родном селе на Алтае, что ему показалось, что времена изменились к лучшему. И он

официально обратился в органы с письменным заявлением о разрешении оставшейся в ссылке жене вернуться на родину. Этим он обратил внимание органов на себя. По их мнению, он и сам самовольно вернулся, и его отправили по этапу назад в Березовку.

В военное время у всех разговоры были одни: письма с фронта, похорожки, ранения, военные события. В лагере у нас даже в конторе работали тоже осужденные женщины. Одна из них, счетовод, каждый день рассказывала нам о сводках с фронта. Она же и сообщила нам о Победе. Что тут было: пляшут, поют, плачут, кричат. А я упала на топчан и плакала, потому что братья погибли. Опять прибежала эта же Таня-счетовод, и сказала, что скоро нас всех отпустят. Эту радость не описать. Стали день за днем готовить документы и отпускать по алфавиту. Все только и говорят, какую букву уже отпустили, и подсчитывают, когда дойдет их очередь. Переодевались снова в свои одежды, в чем пришли. Со всех «указниц» сняли судимость.

Наконец настал день и для буквы С. Мне дали чистый паспорт и даже сколько-то денег. Я твердо решила в колхоз не возвращаться. Но отправилась все-таки навестить родителей. По пути зашла к знакомым Беспаловым в Тогуре. У них хозяин как раз собрался плыть на плоту в Верхне-Кетский район. Предложили плыть с ними. Плыли до Белого Яра против течения, по извилистой Кети несколько дней. От Белого Яра пошла в Березовку пешком.

И вот пришла к родителям. Мама плачет по братьям. Феодорит еле ходит, но работает. Феня по-прежнему на рыбалке. Отец выполняет мелкие заказы колхоза: то лапти вяжет, то чирки шьет. Всей семьей решили: идти мне в Колпашево и искать там работу.

Колпашево.

До Колпашево шла неделю пешком, ночевала по пути в деревнях. Люди пускали. Был конец августа 1945 года. Все имущество на мне. Сумок у нас в семье отродясь не было, да и складывать в них было нечего. Одета я была в чулки-самовязки из льняных ниток, чирки без голенищ, полусуконная юбка, кофта без рукавов, заплатанная стеганая телогрейка и мужская шапка. Паспорт и деньги в кармане. Первую ночь в Колпашево ночевала на пристани. Со следующего дня стала искать работу. Нигде не берут. Может быть, даже из-за внешнего вида. Как-то на центральной улице зашла в городской пищекомбинат. Сразу к директору. Николай Петрович Карсекин, бывший красный партизан, коммунист, на войне был в трудовой армии и тоже хлебнул лиха. Он был старым и добрым. Выслушал, спросил, буду ли работать в чайном цехе. Конечно, я согласилась.

Чайный цех, куда я поступила, как раз в это время преобразовывался в кондитерский. Мастером там уже работала Наташа Чернова. В этот горпищекомбинат входил еще пивоваренный завод, где кроме пива делали еще ликеры. Когда Карсекин вызвал Наташу и сказал, что я буду у нее работать, она категорически отказалась меня брать. Прямо в глаза сказала, что боится меня, что я ее обкраду. На вопрос директора, почему, говорит: да вы посмотрите на нее, на кого она похожа. Николай Петрович твердо сказал: Серебренникова будет работать у тебя! Идите в цех. Пошли. Наташа поинтересовалась, давно ли я знакома с директором. Не могла поверить, что он меня взял такую вот с улицы. Никакой медицинской комиссии я не проходила, сразу на работу. Цех находился в отдельном жилом доме на другой улице и состоял из двух помещений: в одном мука, сахар и прочее продукты, а в другом – печь размером 1,5 на 1 метр. На ней умещалось 4 противня. Начали мы выпекать 100-граммовые булочки, которые в магазине выдавали по карточкам вместо хлеба. Наташа никогда не изучала технологию, и работала на авось: по утрам заводила на пивных дрожжах тесто сразу на 70 кг пшеничной муки с отрубями. Потом мы его вместе разделявали. На 4 противня входило всего 100 булочек. Первая партия выпекалась хорошо, а к следующим тесту уже перекисалось. За неделю наделали много брака, Наташа свалила все в подполье. Когда она не видела, я быстро проглатывала булочку, почти неразжеванную. А взять открыто и, тем более, с собой я страшно боялась. Она тоже меня боялась и взяла еще одну помощницу, шорку Гутю. Та все время ела эти булочки, и спросила меня, почему я не ем. Я говорю: боюсь. Гутя: никто не поверит, бери, да ешь. Но почему-то эту Гутю скоро перевели в другой цех.

Про жилье никто не спрашивал, а я и боялась сказать, что жить негде. Встретила на комбинате возчика из Березовки. Он там раньше устроился, а семья еще оставалась в Березовке. Сам жил на квартире у вдовы с 3 детьми в домике из горницы и кухни, и меня туда же позвал жить, пока не найду квартиру. Там я жила с неделю. Потом хозяйка говорит: ты уже неделю у

3 дня.

3 дня

нас живешь, а ни разу не накормила нас булочками. Я утром ушла на работу, и больше к ним не вернулась. Рядом с цехом жил сторож в 2-х комнатном доме. В одной комнате сам с женой, а в другую пускал рабочих с комбината. Туда и меня пустили. Я занесла 4 чурки, на них настелила доски и так спала. Работа рядом. Наташа уже стала мне доверять. Я приходила в 5 часов утра, топила печь, ставила тесто. Наташа приходила в 9 часов. Покрутится, испечет торт (это она умела делать хорошо), понесет его нужным директору людям, да и уйдет на весь день. Я, чтобы тесто не портилось, стала заводить его только на 10 кг муки. Получалось без брака, но мало. Цех был убыточным. Зимой цех закрыли и меня на 3 месяца направили на лесозавод в восьми километрах от города. Потом снова вернулась на комбинат. По тем временам я уже хорошо зарабатывала. Послала родителям 180 рублей телеграфом, чтобы быстрее. А какой в Березовке телеграф! Деньги дошли только через 3 месяца.

Наступил 1946 год. К весне я смогла себе купить на рынке кирзовые сапоги (очень красивые, по ноге), по ордеру на промтовары купила костюм: юбку и гимнастерку защитного цвета. В качестве премии за активность на субботнике получила черные хлопчатобумажные тонкие чулки. Это было счастье. Купила на рынке подержанную перину, одеяло, подушку и простыню. Наташа позвала меня жить вместе с ней на частной квартире около речного вокзала, на берегу. Однажды мы оставили на ночь открытым окно, а вся одежда лежала на столе у окна, да и кровать моя стояла у окна. Утром встали, а мои костюм, одеяло, кирзовые сапоги и деньги, 24 рубля, исчезли. Хорошо, что хлебную карточку не взяли. Наташа дала мне свое платье и я пошла на работу топить печь. Она же об этом происшествии рассказала директору. Он нас поругал, но достал мне в горисполкоме ордер на промтовары. По нему я купила 3 метра синей бязи, сшила из них сама юбку и кофту, и, впервые в жизни, купила синие парусиновые туфли на каблучках. С той квартиры мы с Наташей ушли. Я вернулась в «общагу» в доме сторожа, а Наташа сняла другую квартиру.

Однажды в июньское воскресенье 1946 года я, как обычно, стояла на пристани и смотрела на приходящие и уходящие пароходы. Вдруг возле меня остановился сошедший с одного из них паренек и поздоровался. Я узнала его только после того, как он назвал меня по-домашнему, Русой. Это был мой брат Феодорит. Изможденный, немытый, больной. Привела его в свою «общагу». Сняла с него всю его одежду и перестирала. А пока она сохла, он сидел на чердаке, потому что переодеться было не во что. Утром повела брата в поликлинику, и его сразу положили в больницу с острым катаром желудка. Он в последнее время дома от боли не мог ни есть, ни пить. Брат рассказал мне о семье. Феня ушла с рыбалки, зимой работала в леспромхозе и была этим очень довольна. Она в одиночку лучковой пилой валила деревья и хорошо зарабатывала, в качестве премии получила наручные часы. После войны в леспромхозе уже платили деньги и хлеб продавали свободно, без карточек. И в городе жизнь налаживалась. А в наших колхозах становилось все хуже. Мужчин почти не осталось. Кто не погиб на фронте, назад все равно не возвращался.

После больницы Феодорит сначала жил со мной сторожевом домике. Устроить на работу я его не могла – у него, как у всех спецпереселенцев, не было паспорта. И даже свидетельства о рождении не было. Я при поступлении на работу не написала в автобиографии, что я из спецпереселенцев, а паспорт у меня был чистым. Поэтому боялась, что если буду устраивать брата без документов, то все откроется. Осенью 1946 года мы были направлены комбинатом на заготовку брусники за 60 км от Колпашево. Туда разрешили ехать и Феодориту. До поселка Пиковка плыли на лодке, там было подсобное хозяйство комбината. От него 2 дня пешком шли по песчаной дороге в бор собирать бруснику, ноги вязли в песке. Бригадир хозяйства выдал всем по кирзовым сапогам и новые фуфайки. В бору были построены летние домики без печей, в них мы и жили вплоть до снега. Спали в домиках в своих фуфайках. Брусники было огромное количество. Бригадир привозил нам хлеб, и на премию – конфеты. Брат собирал бруснику вблизи нашего жилья, а я уходила далеко в лес. До обеда соберу 5-6 ведер, сдам, пообедаю, да еще после обеда ведер 5. А Феодорит и рядом столько же набирал. Брату выдали новый хлопчатобумажный костюм. Он его берег, не надевал. Когда вернулись в Колпашево и опять поселились в ту же «общагу», Федя сложил костюм в коробку и засунул под свой топчан. А когда однажды хватился, коробка оказалась пустой – костюм украли. Даже не поносил костюм из-за бережливости. В магазинах редко что было. Покупали на рынке с рук подержанные вещи. Еще какое-то время

Феодорит пожил в Новоселово в семье нашей знакомой Дуси Бабушкиной, потом вернулся назад к родителям в Березовку, а я ушла жить на частную квартиру.

Зимой я потеряла паспорт. Прописки в нем не было, потому что не было постоянного жилья. Жила ни жива, ни мертв от страха. И заявлять боялась из-за своего прошлого. Вдруг получила на работе повестку в милицию, в кабинет № 25. Чуть не умерла в коридоре, пока не решалась зайти в кабинет. А там мне просто вернули мой паспорт, даже не оштрафовали. Кто-то нашел, сдал, а милиция нашла меня по месту работы.

Той же зимой сняли нашего директора комбината и поставили молодого фронтовика Александра Ивановича Иванова. Он стал расширять производство, принимать новых рабочих. Для моего мастера Наташи наступило тяжелое время. Она сопротивлялась новым назначениям в свой цех по своим личным причинам: то это была вдова покойного любовника Наташи, Бокарева, то любовница нового директора Рая Васильева. Но, в конце концов, директор уволил ее саму, а к нам поставил настоящего мастера-кондитера, китайца. Теперь у нас в цехе работало 8 человек: нас 7 девчонок и жена нового мастера, китайца. Цех стал выпекать пряники, печенье и конфеты. Все вручную. Нас, одиноких девчонок, зимой отправляли на заготовку дров в подсобное хозяйство за Пиковкой.

В 1947 году я сняла маленькую избушку за 100 рублей в месяц. Да еще топить печь дровами за свой счет. Конечно, мне это было дорого, но теперь я жила самостоятельно. Летом Феодорита призвали в армию. Везли призывников через Колпашево, и брат заезжал ко мне в избушку. Новобранцев после войны обучали и направляли на восстановление народного хозяйства. Так, Феодорит был отправлен военкоматом в ФЗО (училище *фабрично-заводского обучения*), в шахтерском районе города Сталинска (сейчас – Новокузнецк) Кемеровской области для обучения специальности столяра-плотника.

Феня в Колпашево

В Березовке остались у нас только родители и Феня. Всех спецпереселенцев тогда уже сняли с учета в комендатурах, и все, кто мог, уходили из колхоза и разъезжались, кто куда. Отец опять написал заявление на выезд из Березовки по причине старости, им с мамой было уже по 67 лет. Но ему объяснили, что пока в семье есть работоспособный кормилец (Феня), разрешения они не получают. В 1948 году летом, чтобы освободить родителей, Феня решила бежать из колхоза со своей подругой Тасей. Уплыли ночью на обласке, без документов. После войны патрулей на реках уже не было, никто их не остановил. Плыли по Чачамге, потом по Кети, а дальше по Оби до Колпашево. Феня пришла сразу ко мне, а Тася отправилась на перекладных в Кузбасс. Я опять испугалась, что из-за сестры выяснится, что я из спецпереселенцев. Мои подруги устроили Феню домработницей в семью двух учителей. У них было 5 детей, свой дом, корова. По воскресеньям они давали Фене выходной и 10 рублей.

Колпашево, 1948, крайняя справа

Колпашево, 1943 с подругами, крайняя справа

Колпашево, на стадионе, 1948

Колпашево, 1948, крайняя справа

Тем временем у меня появился гражданский муж – Василий Лопатин, бывший милиционер, весельчак, баянист. Все его богатство – баян. Все остальное, как и у меня, на себе. Он жил со мной в избушке несколько месяцев. Феня знала про мои отношения с Лопатиным и несколько раз видела его у меня. В послевоенное время редко кто оформлял свои отношения в ЗАГСе. Мужчин не хватало, а женщин много. С Лопатиным флиртовали открыто на моих глазах и у меня дома все знакомые девчонки, кто ко мне заходил. И он чувствовал себя свободным, и даже не думал стесняться, в моем присутствии с ними обниматься. А то и вообще уходил ночевать к кому-нибудь. Как ни странно, но тогда это казалось всем нормальным. В конце 1948 года стало ясно, что я забеременела. Может быть, Василий испугался какой-то ответственности, или по другим причинам, но в начале 1949 года мой друг сказал мне, что срочно должен ехать к своим родителям на восток. Однажды за ним заехали его друзья на санной подводе, он сел со своим баяном в сани, и был таков. Конечно, я поплакала. Но страха перед появлением ребенка не было. Мне было 30 лет, по тем временам – старая дева. Да и большинство девчонок сознательно становились матерями-одиночками. Потом как-то мужики с комбината ездили в подсобное хозяйство под Пиковкой за заготовленной нами брусничкой, и увидели там Лопатина. Он просил их не сообщать мне, но они рассказали, что видели Ваську. Отношения прояснились.

Учитель, в семье которого Феня жила и была домработницей, пытался получить ей паспорт, но ничего не вышло. Фене там было очень хорошо, но учителя побоялись оставлять ее у себя без паспорта. И она пошла все к той же Дусе Бабушкиной в Новоселово. Та устроила ее домработницей в дом директора школы. У него была жена-медик и 2 сына.

Родители и рождение дочери

Феодорит прислал мне денег и я купила собственную маленькую избушку. Она была засыпная землей, в ней жило много сверчков. Они трещали круглосуточно. Нашим родителям наконец-то разрешили из-за возраста (обоим шел 70-й год) и из-за отсутствия в семье работоспособных членов, выехать из Березовки на родину. В июне 1949 года они приехали ко мне в Колпашево со всеми «вещами» и прожили у меня около месяца или больше. Отец перебрал и укрепил мою избушку, я ее заштукатурила глиной с сухой травой, щелей и сверчков не стало. Неожиданно появился Лопатин. Я растерялась, застеснялась родителей, вышла к нему на улицу, в избушку не пустила, сказала, что у меня родители. Посидели на улице, поговорили и разошлись. Родители видели его, но не знали, кто это. Потом я им призналась, что это и был Васька. Отец обиделся, что я их не познакомила. А я ведь опять испугалась, что родители (больше всего отец) проговорятся про спецпереселение.

В июле 1949 года наши родители уплыли на пароходе в Бийск, откуда долго ли, коротко ли, но добрались до Куячи в свой дом, в семью братки Яши, который после плена отбывал свой срок в колонии.

Я могла бы уже оформить дородовый отпуск (6 недель до родов), но решила вообще его не брать. Во-первых, заработать больше денег, а во-вторых, не растерять свой трудовой авторитет на

комбинате: я там числилась безотказной, добросовестной, и трудолюбивой ударницей. По колхозной привычке я не понимала ни начала, ни конца рабочего времени, а работала, пока все не переделаю. Приходила с рассветом, уходила после заката. Была в первых рядах на субботниках и в спортивных мероприятиях. Была профсоюзным кассиром, всю профсоюзную кассу (100 рублей) хранила дома под матрасом, пока однажды у меня ее сожительница Галя не выкрала. Я не имела представления, что можно обратиться к предприятию за какой-то помощью.

14 августа на работе жена нашего мастера, китайца, Вера Прокопьевна, шепнула одной из нас, Лене: иди-ка с Фросей домой, я вижу, что ей плохо. Пришли с Леной ко мне, немного посидели, и у меня начались схватки. Лена отвела меня в больницу, которая была рядом, вечером, а утром 15 августа 1949 года родилась Люба.

С ребенком началась совсем другая жизнь. У меня, как и у других, была посажена картошка в поле за городом, да еще немножко рядом с избушкой. Дома выкопала без проблем, а в поле из-за ребенка не выбраться. Если кого-то просить, то мне их даже угостить нечем. Сама я ела черный хлеб с солью, да картошку. Никогда не покупала ни масла, ни сахара. Нашла бабушку посидеть с Любой. Иду в поле, накопаю 2 ведра картошки, ссыплю в мешок, на плечи, и домой. Любу покормлю, «пообедаю», и снова в поле, опять принесу 2 ведра картошки. 3 дня так копала и бросила картошку в поле невыкопанной. Кончался декретный отпуск (56 дней), а места в детских яслях нигде не нашла. Написала заявление на увольнение с работы и пошла к директору. Хорошо, он расспросил причину, сам обзвонил по телефону ясли и нашел мне место. А уже начало сентября и снег. Ясли далеко. Хоть и сшила перед родами детское одеяльце, но оно для зимы было тонковато. Носила Любу завернутой в свое большое стеганое одеяло. Продолжала кормить грудью. Один раз в день отпускали в ясли покормить ребенка. Ясли были в деревянном доме с одной печью, которую протапливали только ночью. Разверну дома Любу, а ножки ледяные. Денег не хватало, и я пустила к себе квартирантку Машу, счетовода с рынка. Ее отец работал на лесозаводе и привозил нам лесных отходов для печки. На комбинате выписывали дрова по 81 руб за кубометр. На зиму надо было кубометра 2-3, а мой месячный заработок был 100 рублей. Люба сильно болела после прививки оспы, с высокой температурой. Почему-то я и к врачам не обращалась, даже не знала, есть ли детская поликлиника. Худо-бедно, но перезимовали. Маша от меня ушла, обиделась, что я не разрешала ей стирать в моей цинковой ванне, в которой я купаю ребенка. Профсоюзную работу я сдала. Но все время думала, как пережить следующую зиму.

Заходил и Лопатин, Люба играла, сидя на кровати, нашим с ним портретом. Но продолжения отношений не последовало. От Лопатина к тому времени и у других женщин начали рождаться дети.

На родину, в Куячу

Время от времени приходила Феня из Новоселово. Однажды говорит: мне надо уходить из этой семьи, хозяин стал приставать, хоть бы жена не заметила. А идти некуда. Так постепенно, обсуждая ее и мои проблемы, мы решили, что единственный выход – ехать к родителям на Алтай, в Куячу. А почему я не поделилась своими проблемами на работе, я не знаю. Сразу продала избушку за 900 рублей и пришла к директору опять с заявлением. Он сильно отговаривал, объяснял, как можно было бы все устроить здесь, и как трудно будет на любом новом месте. Но я же уже избушку продала, и сестра с места сорвалась. Назад ходу нет. Подписал директор мое заявление, и мы стали собираться. Уложили все Фенины, мои и Любины вещи в оставленный у меня родителями старинный деревянный ящик.

Летом 1950 года взяли мы билеты на пароход до Бийска, сдали ящик в багаж и поплыли. А еды с собой никакой не взяли. Доплыли до Томска, там пересадка. Три дня ждали парохода на Бийск. Я с Любой устроилась в комнату матери и ребенка, Феня, без паспорта, на речном вокзале, а там по ночам проверка документов. Она говорит: все у сестры в комнате матери и ребенка. Милиционер ко мне, а я ему: у нас все документы в чемодане, который в камере хранения. А камера ночью не работает, и это нас спасло. А все мои документы: паспорт, трудовая книжка, метрики мои и Любины, и, правда, как это ни глупо, были в чемодане сданы в камеру хранения. После той проверки Феня все время днем носила Любу: с ребенком она не вызывала подозрений. А я была с документами. Для Любы брали в столовых какую-то кашу, разводили ее водой и кормили.

Наконец-то пришел пароход и мы отправились в Бийск. В кузове какого-то попутного грузовика, сидя на своем ящике, поехали из Бийска в Алтайское. Шофер спросил, где вас в Алтайском высадить, а мы не имеем никакого понятия. Говорим, нам надо в Куячу. Тогда он решил нас высадить у сырзавода в центре села, где ходит много машин. День был солнечный, теплый. Я осталась с Любой и ящиком у забора сырзавода, а Феня пошла по Алтайскому, расспрашивать людей. У военкомата она увидела много лошадей с телегами, которые привезли призывников из всех деревень района, нашла куячинские подводы. А возницей оказался наш двоюродный брат Мефодий Рехтин, который работал в Куяче конюхом. Он возвращался в Куячу только назавтра. Мефодий погрузил нас всех на подводу, и отвез на ночлег к бывшей куячинской бабушке Блиновой. Мы с этой бабусей всю ее и нашу жизнь обсудили. Она сказала: зачем вы едете туда, откуда вас выгоняли? На вас будут смотреть волками. И Мефодий предупреждал, что нам в Куяче будет плохо. Ну что было делать? Остановиваться на полдороги мне с ребенком, а Фене без паспорта?

Наутро Мефодий сначала свои дела переделал, да забрал одного «забракованного» куячинского призывника Васю. Выехали только после обеда. Сосновку проехали, солнце зашло. В горах после заката сразу темно. Смотрим, ночлежная изба. На полу сено, на нем все проезжие спали, и мы там устроились. Жеребца Мефодий привязал на прикол, ночью пошел проведать, а коня угнали. Еще темно, но от переполоха все проснулись. Мефодий с Васей пошли искать коня. Уже день проходит, а результата нет. Тогда Мефодий отправил Васю в Куячу пешком за какой-нибудь подводой для нас. А сам боится возвращаться, за потерю коня – тюрьма. К вечеру за нами приехал наш отец на коне, которого братка Яша выпросил в колхозе, и отвез нас в Куячу, все в тот же дом.

Куяча 1950-51

Конечно, в Куячу мы заявили неожиданными и незваными. В доме, состоящем из горницы и кухни, и без нас жило 8 человек: Яков с женой и детьми: Парфен с молодой женой и новорожденной дочерью Шурой, и Петя, да наши родители. Да еще мы заявили, а я с ребенком и без мужа – срам. Феня сразу устроилась на сыроварочный завод, а спустя какое-то время она и меня туда устроила. Недели через 2 наша невестка, Олимпиада Васильевна, не выдержала тесноты, и высказала это нам. Тогда отец соорудил в кладовке на верстаке койку себе с мамой, Любе сделал зыбку, а мы с Феней спали рядом с ними на полу.

1950 год, Куяча. Стоят: Феня, Петя (Яшин сын), Февруся, Вера, жена Парфена, Сидят: Олимпиада с внучкой Шурой, Яков, отец, мама с Любой.

Осенью директор сыроварочного завода предложил нам жить в заброшенной избушке рядом с заводом, без сеней и крыльца, с двумя одинарными окнами. Перешли мы туда из Яшиной кладовки все впятером. Дрова мы с Феней таскали с горы на себе, так в Куяче не делал никто. К зиме нас позвала к себе наша двоюродная сестра Харитина Яковлевна. Они жили втроем в типичном для Куячи доме из горницы и кухни. У них мы и поселились. Вскоре Феня вышла замуж за местного фронтовика Митю Рехтина, которого она встретила чуть ли не в день нашего приезда в Куячу, и они сразу заметили друг друга. Он был красавцем в военной форме, и она

выделялась на фоне местных девчонок городской одеждой и повадками, была симпатичная, общительная и трудолюбивая. После свадьбы Феня перешла жить к Рехтиным в маленький домик, где Митя жил с матерью и сестрой. Работать не стала. А на следующий год у них уже был первенец Степа.

Я работала на сыроварочном заводе в задымленном подвале. Дым шел из печных щелей, которые почему-то никто не заделывал, ждали приказа начальства и отдельной оплаты, а их не было, и всем было наплевать. К вечеру голова моя сильно угорала, я еле доходила до дому. Кое-как выдержала 8 месяцев до весны 1951 года. Один день поработала в совхозе и иногда была на покосе. Совхоз сильно нас удивил тем, что не было никакой дисциплины, бесхозяйственность, беззаботность и вранье. Неубранные зерновые засыпало снегом, а в район посылали сводку, что все убрано. В совхозе было много овец, коров и лошадей, а сено ставили, как попало. К обеду добирались на телегах с песнями до покоса, там сразу обедать. К вечеру бригада из 9 человек смечет один стог центнеров на 10, и домой. Никому ничего не надо, никто не торопится убирать сено в хорошую погоду. Не успели убрать – остается гнить под снегом. И никто никого не наказывает. В выходные, и в плохую погоду не работают, после рабочего времени в поле не остаются. Нищета и пьянство, зато свобода и веселье. А мы-то в ссылке убивались, почему зря.

Переезд в Кузбасс

По нашим письмам Феодорит знал про нашу жизнь в Куяче. Он заканчивал свое обучение в ФЗО. И хотя, по нынешним понятиям, был еще совсем молодым, всего 24 года, но взял участок земли под строительство дома и написал письмо родителям, чтобы переезжали к нему в Сталинск (Новокузнецк). Сам жил в общежитии, но брал участок земли в поле и сажал там картошку. Родители согласились переезжать, и я собралась с ними. В Куяче мы были уже чужими.

Весной 1951 года мы впервые приехали вчетвером на поезде в Новокузнецк. Все вещи уместились все в том же древнем сундуке, с которым мы с Феней ехали из Колпашево. Его сдали в багаж. Как-то было не принято сообщать о точном дне и времени приезда и встречать приезжающих. Мы знали просто адрес брата, да еще он писал, что район называется Абашево.

Вышли на вокзале, узнали, что Абашево далеко, километров 30 от вокзала, а общественный транспорт туда не ходит. Багаж забирать не стали. На трамвае доехали до конечной остановки «Топольники» в Старокузнецке. Наконец попался попутный грузовик, в его кузове доехали до центра Абашева. Старики остались с Любой, а я по адресу нашла Федино общежитие, но его самого дома не оказалось, он сажал в поле картошку. Рассказала его соседям, где нас найти, и вернулась к своим. Так мы и сидели на улице до вечера, погода была хорошая. Вечером Феодорит нас нашел, ночевали у него на полу в общежитии, а на следующий день брату выделили в бараке отдельную комнату. Федя на попутках съездил за нашим сундуком, и мы впятером поселились в бараке. Жили без всякой мебели. Земельный участок под дом брат оформил еще до нас. Он был в районе шахты Зырянская (по ней и район звали Зырянкой), на болоте, без подъездных дорог. Но уже были проложены водоотводные каналы, которые все называли канавами. В эти же каналы стекали грунтовые воды из шахты. Наш участок был как раз на берегу одной из этих канав.

Федя работал столяром на лесозаводе, все время в дневную смену. Я поехала несколько дней на попутках в Старокузнецк, чтобы получить номер дома, но безрезультатно. Стала искать работу. В шахту и в торговлю боялась. Устроилась техничкой в хлебопекарню. Уже через день меня поставили в бригаду смазывать формы. Работала в 3 смены. Люба была со стариками дома.

Никто нам дом не проектировал. Строили, как привыкли, дом из 2-х комнат: горница, да кухня, под кухней - подполье. Брат выписал бревна. Машиной подвезли к канаве, а потом прямо по воде сплавляли до нашего участка. Их хватило только на основание дома. Строительный материал собирали, где придется: выброшенные шпалы вдоль железной дороги, крепежные балки из отработанных штолен в шахте (сами за ними спускались и таскали на себе). Это все шло на стены. Доски на пол и потолок Федя выписал на своем лесозаводе. Строили вдвоем с братом в свободное от работы время. Была уже осень, когда, наконец, покрыли только крышу, и Федя обил дранкой стены снаружи и внутри, потом сам сложил печь. Как только ее протопили, так сразу переехали в дом. Я стала штукатурить стены, сначала снаружи. Смешивала песок с глиной и добавляла сухую траву со своего участка. Уже летел снег. Голые руки сильно замерзали, грела их горячей водой. Стены внутри дома я штукатурила уже зимой. Носила понемногу с бесхозных

складов, строек, свалок цемент или алебастр, что находила, и смешивала с песком. Стены ни снаружи, ни внутри не трескались.

Когда вселились, мебели не было никакой, спали на полу. Но у нас свой столяр. Сразу сделал стол и табуретки, потом кухонный стол с ящиками, а в комнату – круглый с точеными ножками. Потом сделал кровать родителям, Любе детскую кровать. Позже - шифоньер и кровати себе и мне. Он выписывал материал на работе, там же делал заготовки, а дома сделал верстак и вечерами все собирал и подгонял. Стружки и опилки мама заметала в печь. Отец, как мог, помогал Феде. Мама хозяйничала, да за Любой смотрела. Перезимовали, как на стройке и в столярной мастерской, но в тепле.

Потом к дому пристроили сени, рядом сарай и баню. Доски на сени, 1,5 метра длиной, я таскала с шахты перед утренней сменой, часов в 5 утра. А потом на работу. Засаживали огород, 6 соток. Картошку сажали в поле.

Дома вокруг строились быстро, и скоро появились грунтовые дороги и названия улиц. Наша улица стала называться именем Сергея Лазо (был такой революционер). Позже ее переименовали в улицу Пархоменко. Соседями были в большинстве своем переселенцы из Западной Украины, «западэнцы». За глаза их называли бандеровцами. По вечерам они очень красиво пели. Вся округа заслушивалась. Мужики в основном работали в шахте. Очень часто гибли. Похороны на наших улицах были обычным делом. Жизнь налаживалась. Только мы от всех скрывали, что были в ссылке.

В пекарне я освоилась. Сначала бригадир Прокоп Иванович перевел меня в укладчицы. Я доставала хлеб из печи, загружала вагонетки и везла сдавать экспедитору. Не сразу поняла, что экспедиторы занижали вес в свою пользу. Через месяц директор поставил меня бригадиром, хоть я и не знала технологии. Девчонки мне помогали. Особенно трудно было с расстойкой теста, но научилась. Однажды получилось много брака, сказали, что высчитают из зарплаты, я думала, что всю зарплату и заплакала, а высчитали только 8 рублей за повторную переработку брака. Выходной был один через 7 дней, потом в другую смену. Ходить с пекарни из Абашево домой в Зырянку было далековато и ночью страшно. Всякое случалось, то хулиганы, то собаки. Тогда я стала после вечерней смены оставаться на работе и спала в раздевалке до утра. А в ночную смену приходила заранее и спала в раздевалке до начала смены.

1956 год, Абашево
хлебозаводе

1957, хлебозавод

1958, сандружина на

Потом рядом построили большой новый механизированный хлебозавод, а в здании пекарни сделали столовую для рабочих. Расширили склады. И теперь это уже называлось хлебозаводом № 5 Сталинского хлебокомбината. На нем я проработала с 1951 года до ухода на пенсию в 1975 году, т.е. 24 года.

Вера, Гутя, Николай Фалеев, Гуря, Саня, Яша, Петя Яшин, их приезды, отъезды

она читала ему вслух старообрядческие религиозные книги, которых у него было много. Мама научила ее вышивать. А вот к школе ее никто не готовил, и в детсад она никогда не ходила, была стеснительной. Одежду себе и Любе я шила сама.

В 1956 году все ее сверстники с улицы пошли в школу, а мы решили год подождать. Люба каждый день уходила с подружками в школу, ждала их в школьном дворе, и возвращались все вместе. Однажды они разминулись, Люба сидела там до темноты, испугалась идти домой. Я нашла ее только к ночи. Назавтра пошла в школу, поговорила с учительницей, и Любу записали в школу почти на месяц позже всех. Я сама сшила ей школьное платье и фартук, купили портфель, и началась учеба. Моя мама ей все наказывала, не говорить, что они дома молятся, и о чем рассказывает дед. Поэтому сначала Люба всех сторонилась. Догоняла она всех с трудом. И так была не подготовленной, да еще пропустила много. Совсем не понимала школьного распорядка. Школа была недалеко, дорог переходить было не надо. Первый класс еле закончила с тройками. А после летних каникул, с самого первого дня во 2 классе, ее как подменили (или возраст подошел). Стала лучшей ученицей и учителя, Зоя Викторовна и Нина Ивановна, все время ее хвалили. Если было что непонятно по арифметике, даже позже и по алгебре с геометрией, она спрашивала деда, и он со своими 2 классами всегда мог задачу понять и растолковать, и решение приходило к Любе само собой.

*1953 год, Новокузнецк (Зыряновка),
сзади братка Яша, Люба, Феодорит,
Впереди- я, Олимпиада, Отец, мама.
Во время приезда к нам Якова с
женой.*

Основной едой была картошка, которую мы сажали весной в поле, летом ездили пропалывать и окучивать. А копали картошку почти всегда при снеге. Мешков не было. Копали весь день, ссыпали ведрами (около 100 ведер) в кучу, Феодорит ловил попутный грузовик, в лучшем случае самосвал, опять ведрами в кузов. Вечером приедем, шофер высыпит картошку, и мы до ночи таскаем ее ведрами в подполье. В эти дни мама всегда топила нам баню. Однажды перед ночной сменой, после картошки и бани, я еще прилегла вздремнуть, да и проспала на работу, объяснялась потом с директором. А на утреннюю смену после картошки не опаздывала, но работала сквозь сон. Держали куриц и свинью, пока Хрущев не запретил держать скот в городской черте. После указа все срочно зарезали весь скот летом. Хранить мясо было негде, сразу съели, а

на зиму не осталось ничего. Были перебои с хлебом. Занимали очередь с вечера, потом ставили вместо себя на всю ночь детей (им это нравилось), а утром сменяли их. Но всем в один день хлеба не доставалось.

На хлебозаводе часто менялись директора. Я поступила при Сарике, с ним работалось хорошо. Потом пришел Бутаков Николай Иванович. Он развалил все. У самого было 4 детей, жена не работала. Она каждое утро приходила на завод брала 5 кг свежего теста. И все работники завода стали безнаказанно тащить с завода хлеб сумками. Как-то я спала дома с ночной, а на заводе давали аванс. Мне сказали, за тебя получил директор. Я у него 2 раза спросила, говорит: да, получил, а не отдает. Когда в третий раз спросила, повел к себе домой, и сердито сказал жене: отдай ей 100 рублей.

Ввели в штат должность лаборантов, сначала одного только в дневную смену. Пришла мать-одиночка Фрося Ишенина. Потом она вышла замуж за милиционера Ивана Михайловича Колесникова. Мы вроде бы подружились. Но я стала замечать за ней, что она доносит на всех директору. Один раз я увидела, что кочегар Максим Соловьев сжигает в кочегарке бракованный хлеб, несколько мешков. Я опешила, а он говорит, да уж третий день жгу. Поделилась возмущением с Фросей, а она заявила в милицию. Ко мне пришел оперуполномоченный (запомнила, что первый раз в жизни видела мужчину в белом костюме) домой за показаниями. Потом и меня и директора вызывали в милицию. Директор затаил на меня зло. После очередного моего отпуска он перевел меня бригадиром из основной в подменную бригаду. Лаборанты были уже в каждой смене. Фрося Колесникова оказалась лаборантом в моей бригаде. Зашла я раз вечером к ним с Иваном домой, там сидит мой пекарь Надя Морозова и они с Фросей что-то пишут, говорят мне: пишем анонимку на директора Бутакова. Когда я поняла, что это такое, то ушла от них. Надя Морозова сразу уволилась. Через неделю из комбината приехали начальник отдела кадров Коробейников Василий Николаевич и председатель профкома с этим письмом. Стали его читать на общем собрании завода. А там, среди прочего, написано, что директор преследует Серебренникову. Все в один голос: значит, она и писала. Коробейников позвал меня в отдельный кабинет и стал уговаривать сказать, кто писал. Он не верил, что я и сам подозревал Фросю Ишенину. От него я узнала, что она любовница Бутакова. Но я уперлась, что не знаю, и так Фросю и не выдала. Понимала, что свидетелей у меня нет, Надя-то уволилась. Такая вот была у меня подруга. Так и не нашли, кто писал, но директор меня возненавидел.

Где-то через год в цехе была свадьба, женились лаборантка Тамара Воробьева и механик Саша Дик. На воскресенье были приглашены все лаборанты, механики и моя сменщица бригадир Шура, сестра невесты. Все они отпросились у директора. Моя смена была в воскресенье с утра, я зашла к директору и спросила, кто меня сменит. Он зло ответил, что он. Вот я отработала свою смену, в следующей смене бригадира нет, я осталась. А там ни лаборант, ни машинист тоже не вышли. Я сама на эти рабочие места встала и отработала. А отчет за свою смену делать некогда. Доработала до 12 ночи, меня опять никто не меняет, и бригада тоже не полная. Осталась на ночь. Всю смену сама смазывала формы. Опять не до отчета. Сутки работаю без перерыва и не сплю. Я обалдела, и в 7 часов утра позвонила директору хлебокомбината Степану Павловичу в город прямо на квартиру, потому что в следующую смену с утра приходит уже моя бригада, а я с ног валюсь, и отчетов нет и работать больше не могу. Утром пришла моя бригада в полном составе, я села писать отчеты, тут меня вызывают к директору, а там уже директор комбината. Бутаков ему сказал, что я сама от смены отказалась. Но Степан Павлович ему не поверил и сразу его выгнал.

Примерно с месяц обязанности директора выполняла Мартынова Надежда Павловна, зав. лабораторией из комбината, а потом директором стал старый коммунист Николай Максимович Плахуто. Он со всеми был очень ласковый, но нечестный. Про меня ему уже нашептали, и он искал способ избавиться. Уже почти через год, наверное, Фрося Ишенина и подала идею. На складе были мешки с заплесневелой мукой, которая сначала подмокла, лежала больше года, потом засохла в камень. Фрося работала лаборантом в день, а когда я заступила в вечер, Плахуто вызвал меня и сказал: Фросенька, ты должна переработать эти 30 мешков, механик даст слесарям молотки, они будут разбивать муку. Я приказ выполнила. Почему-то в ту смену я работала без лаборанта. Когда пошел хлеб, то он так пах плесенью, что экспедиторы отказались его принимать и отправили в брак. Утром приехала зав. лабораторией комбината Мартынова, составила акт. Директор мне: Фросенька, поработай пока дрожжеваром, мы такими работниками не

разбрасываемся. А еще через пару дней: Фросенька, что-то тебя директор комбината вызывает. Поехала, а Степан Павлович даже слушать меня не захотел, и отправил в отдел кадров за расчетом. Стояла в проходной перед отделом кадров и плакала, пока кто-то не сказал про меня в отделе кадров. Вышел сам Василий Николаевич, завел к себе в кабинет, напоил водой и стал расспрашивать. А я только и просила, чтобы не увольняли по статье и не писали плохо в трудовую книжку. Но он все-таки заставил меня все рассказать по порядку. Потом повел снова к директору, оставил в приемной. Сам зашел еще к главному инженеру Антоновой Антонине Павловне, потом вместе с ней - к директору. Были они там очень долго. Вышла одна Антонова, завела меня к себе, написала письмо и сказала отдать его Плахуто и работать в своей бригаде. Вернулась, Плахуто прочитал письмо Антоновой и говорит: я же говорил, Фросенька, что мы такими работниками не разбрасываемся.

Стала я опять работать бригадиром в своей бригаде, а Плахуто уволили. Пришел директор Иван Петрович Задорожный. Сначала относился ко мне настороженно, а потом присмотрелся и стал хвалить. Я ведь никогда не жаловалась, если кого-то из рабочих не было, сама вставала на это место. Если просили, всегда всех подменяла в праздники. Первую премию я получила, отрез креп-жоржета на платье. Потом помогал мне с жильем, сначала я купила комнату в бараке себе с Любой, а потом мне выделили комнату в коммунальной квартире на 3-х хозяев, но со всеми удобствами: горячей и холодной водой, туалетом, паровым отоплением. Это была уже другая жизнь.

Жалко, что мало Задорожный работал на нашем заводе, его повысили и перевели директором хлебокомбината в г. Осинники. А начальника отдела кадров Коробейникова Василия Николаевича поставили директором хлебокомбината города Гурьевска. Хорошие люди ушли.

Фотографии
на
доску почета
хлебокомбината в
разные годы

Следующим директором года 2 работал Илья Васильевич Левашов, бесхарактерный и бабник. Что был на заводе, что не был. А неприятностей хватало. *Продолжить из тетради, стр 185*

Настоящий директор пришел в 1962 году. Это был Чупин Василий Тимофеевич. Он работал вплоть до закрытия завода в 2000 году.

Женитьба Феодорита, переселение в барак, переезд в Абашево, смерть отца, отъезд мамы

... Да директор-задорожный-соответств. бол-дело-директора, но он-молодой, грамотный вначале разваленный - з-де, не смог. Левашов-работал-года 3- и уволился - все-возле стало, за это ну можно было, судить, но это просто удройки. Сын и В-т. не грамотный - и воспитывался где-то пошло, но не по делу с-приятье-наш-завод. И порядок сделал не бедил мой. завод-стал-всестранне-красн. Люба отдала углы с - взрывчатке шк. и 60. те твои - и за да вы-решать-Оно по моему все 30 года углы 26-ой Лигно, 10кг. углы с в 3х шкалах

Фредерик-Мексис-в 1957г. В 1958г. родилась Тома
в доме-столовой вместе с мамой, я купила комнату в бараке
для любви своей-жили под-сидимыми-потом
переехали в Коммуналку, Любовь перевели в
15 кв. Восьмидесятку-№15-она своей уехала чужда
классный-рук. Франко-Алекс. Всегда ее хвалила на
собраниях, потом 9-ю кв. уехала в 30й кв. Карпов
Любовь Викторовна. Любовь хвалила-а мне наказывала
любовь, а-ей не говорила, что ее хвалил. Как-то
стали жить в двоих, а Любовь никогда не будила
в комнату-она вставала по будильнику. Не отвозила
узнав в школе-Люба надеялась, стать в Инженер.
Вели-а мне не понимала. Уйти к ней в Гор-
Красноярске-она пришла сама, сама показала
в двоих с девочкой Фредерикой-таня, сама вникла
в жизнь-срочно. поступила, ушла все 5 кв
с повешенной Стенендикой. Они с тракой ждали
поступить в уезд-на за секретной-хим-зав
но и ее уезжала-от со всего-хим-зав
Мими-технологическое ~~институт~~ Фракцетте
и стала Инженер-химик. Там и с Мишей
познакомились-он уезжал 5 лет-на-
Ленинскую-Стенендику. Кончили в 1972г.
Мими-еще уехала-в Ленинград-но-
з.г. Люба работала по направлению, по-
хим-заводу-где только в Новосибирске
хим-завод-туда-ее направил. Инженер-
Катафак, во многих-городах. Окончила в
ее-хим-завод-оказала в г. Зереновце. Вологодской,
Боменинса с Мишей в Зереновце 1974г.
Миша з.г. уехал-в Астрахань, Люба
эти годы-работала по командировкам
но вех-хим-заводов. Я работала в
до нексис, но жила одна в хорошей-
однокомнатной-квартире, Люба в 10 кв. кв.
к квартире жила всего год
нас-когда был заводской директор.
Около года 1 кв. з.г. комн. сот, мн. 3 комн
своей жила 6 лет, а потом Главынгер
Марта-нашу-квартиру забрал,
ком всем дали по квартире. Я-
в 1974г. пошла непенсия, но еще-работала,
а когда у Любы родилась-Демис-пришла
уехать с завода, и поехать к маме
в Зереновце. Надомис Грузде-элоптом.

1962 год, Новокузнецк, слева направо: Елена (жена Феодорита) с дочкой Машей, сзади Люба, впереди сын Феодорита Георгий, я с Кузей, сыном Феодорита, погибшим в 1979 году в Киргизии.

Личная жизнь, поездки к дочери, ее замужество

1966 год, перед отъездом Любы на учебу в Красноярск.

Денис родился в 1975 году.

1976 год был високосным. Сначала Денис заболел второй раз пневмонией. В больницу не клали, Люба научилась и стала ему уколы делать сама дома. Миша уже после ленинградской аспирантуры переехал работать по направлению в Череповец. Там на работе электрорубанком ему отрезало одну фалангу пальца на правой руке, да еще задело другой палец. В марте Люба уехала к Мише в Череповец, срочно, без вещей. Еще при Любе я хотела слетать во Фрунзе к Феодориту, да самолет задерживался и я сдала билет и осталась. И уже, когда осталась с Денисом вдвоем, мне пришла повестка в железнодорожную милицию Новокузнецка. Вызвала телеграммой Феню из Мысков, чтобы посидела с Денисом, а сама поехала в город. А в милиции только и спросили, все ли деньги за сданный билет я получила. Потом решили мне совсем выезжать в Череповец. Я позвала опять Феню, поехала в Новокузнецк и заказала контейнер для вещей, потратила целый день. Когда пришел контейнер, то грузить приехали Феня и ее 2 сына, Федя и Вася. Денису еще

году не было, но он уже бегал. В апреле и мы с Денисом собрались уезжать. Провожать нас приехали Феня с Федей и Васей, да неожиданно из Бийска приехала Вера Карпова. Из вещей с собой брала только сумку с Денисовыми ползунками, да его питанием, а сама в одном халате и кофте. Все остальные вещи: вся моя, Любина и Денисова одежда, Денискина кровать и коляска, мои ковры, половики, холодильник, пылесос, были отправлены в контейнере. А все мои сбережения в одну тысячу рублей я положила на аккредитив на предъявителя, чтобы снять в Череповце. Вылет самолета в 10 вечера из аэропорта Прокопьевск. На посадку шли через летное поле пешком. Денис на руках. Там постояли полчаса, посадку отменили, вернули в вокзал. Я заплакала. Хорошо, мои провожающие еще не уехали. Дениса положили в кроватку в детской комнате аэропорта, он уснул. И вдруг я вспомнила, что забыла дома документы на аккредитив. Тут уж разрыдалась всерьез. Чуть было не сдала билет, но Вера отсоветовала, и сказала, что вышлет документы по почте. Улетели только в 2 часа ночи. Денис всю дорогу в самолете спал в подвесной детской корзине. В Москве встретил Миша, и мы втроем еще ночь ехали поездом до Череповца.

Череповец

Квартиры еще не было, мы жили в семейном общежитии коридорного типа в одной комнате, кухня и туалет общие на этаже, а душ один в подвале на все 5 этажей. Вера написала, что отправила ценным письмом квитанцию на аккредитив, а корешок оставила, чтобы отправить после того, как я сообщу, что получила первое письмо (аккредитив действителен только при предъявлении обеих частей).

Весна была поздняя и лето очень холодное. Люба работала в 3 смены по скользящему графику, Миша только днем, в субботу и воскресенье дома. Денис сильно болел простудными болезнями. Детей на этаже было много, заражались друг от друга. Люба больничного не брала, хоть и сама тоже все время была с насморком, пока педиатр один раз не выдержала и сама оформила ей больничный с Денисом. Говорит, хоть сама подлечишься. Переодеться было не во что, ждали свои вещи, денег лишних не было, только на еду. Наконец в июне пришел контейнер, поехала я с Мишей получать. Открыли, а там чья-то строительная рухлядь. Забирать не стали, сделали запрос в Новокузнецк, и Феня там тоже сделала запрос. И письма с аккредитивом тоже не было. Сделали и на него запрос. Я сильно переживала. Когда вечерами Денис был с кем-то из родителей, я ходила по незнакомому еще Череповцу и плакала. Однажды заблудилась, еле нашла дорогу назад, с помощью прохожих. Еще через месяц нашелся контейнер в Казани. Перепутали накладные. Хорошо, что был уже запрос. Кто знает, что за люди получали бы наш контейнер, может быть и не отказались бы. Потом, почти через 3 месяца после отправки и после запросов нашлось письмо с квитанцией аккредитива. Дала Фене телеграмму, что пришло, она отправила корешок, и он пришел через неделю. Видно, кто-то где-то ждал корешок.

Заболела и я. Тогда Миша предложил мне с Денисом уехать на лето к его родителям на Кубань. До Москвы довезла нас Люба и посадила там на самолет. Я была одета по череповецкой погоде: в драповом костюме, плаще, чулках. Дениса почему-то весь полет рвало. В Анапе приземлились, жара, не продохнуть, а мы укутаны. Встречал Мишин отец Иван Иванович со своей золовкой Марусей и ее мужем Степаном Ивановичем. Приехали в Фадеево уже ночью.

Вскоре младший Мишин брат Николай, который как раз окончил школу, поехал в Череповец к Мише, поступать учиться. Жил тоже с ними в комнате в общежитии.

На юге Денис сначала плохо спал. Все было непривычно, и жара, и собачий лай, петухи, гуси. Как-то Степан Иванович Куликовский отвез меня с Денисом к себе в Анапскую, чтобы мы с Денисом поехали на море в Анапу. Денису только пошел второй год. Сейчас страшно вспоминать, а тогда ничего не боялась. Автобусы в Анапу ходили редко и были всегда переполненными. Чтобы сесть, надо было ехать вкруговую. Но все равно ездила с ним и в давке на море. Даже с городского вокзала на катере в Джемете ездили, там пляж сухой и людей меньше. Тогда такая езда в автобусе была везде и никого не удивляла.

У сватов было хозяйство, они еще оба работали в совхозе. Я стеснялась лишний раз прилечь или поесть, старалась с ними вставать и по хозяйству помогать, несмотря на то, что Денис не давал отдохнуть ни днем, ни ночью. У меня началась сильная слабость. Иван Иванович заметил, что я хожу, держась за стену, сказал Надежде Григорьевне. Но хоть Денис на Кубани окреп.

У Любы без нас признали гайморит и несколько раз прокалывали гайморовы пазухи. Стало тяжело совмещать семью, болезни и посменную работу в цехе. Она перешла на дневную работу в лабораторию от московского НИИ, но при том же заводе, где и от «Оргхима» работала.

В сентябре Миша получил 3-комнатную малометражную квартиру. Миша, Люба и Коля въехали в нее без нас. Из мебели были только самодельные Мишины полки для книг и для кухни, да его большой деревянный сундук, который он привез из Ленинграда с книгами. Сундук еще долго был столом, стулья Любе дала попользоваться сотрудница. У Дениса была детская кроватка. На мою аккредитивную тысячу рублей они купили стиральную машину, диван-кровать и цветной телевизор «Радуга». Николай спал на полу на одном из моих ковров, а другим укрывался.

Тут и мы засобирались в Череповец. Нас вызвались сопровождать Мишины сестры, родная Люба и двоюродная Оля Куча. 4 октября приехали в Череповец поездом вчетвером. Для меня, сестер Любы и Оли, Миша взял на прокат 3 раскладушки. Потом купили мне тахту.

В первую зиму в квартире было холодно, а потом дом прогрелся.

К зиме обустроили кухню. Купили стол, стулья и навесные шкафы. А нижнюю часть кухни, «мойку», Миша сделал сам. И на балконе сделал сам встроенную мебель.

Вообще, Миша с Любой начинали жить после института с нуля. В магазинах ничего не было, ни промтоваров, ни продуктов. Люба по вечерам и в выходные шила и вязала одежду себе и Мише, а детям перешивала свои старые одежды.

Меня с Денисом отправляли каждый год на все лето на Кубань к сватам. Потом родилась Ксюша, я ездила туда с ними двумя. Самолетом больше не летали. Ездили поездом с пересадкой в Вологде, на сезонных поездах с севера в Новороссийск, до станции Тоннельная. Люба довозила нас вечером до Вологды, там ночевали в гостинице рядом с вокзалом, а рано утром она садила нас на поезд и возвращалась домой. Дополнительные составы на летнее время формировали из списанных, неисправных вагонов. А ехать почти двое суток. Раз, уже в вологодской гостинице ночью у Дениса поднялась температура, началась ангина. Решили все-таки не возвращаться в Череповец. На вокзале зашли в медпункт, там нам дали фурациллин и какие-то таблетки. Сели в вагон, а там не то что кипятка, а вообще никакой воды нет. Ходила выпрашивала горячую воду в вагоне-ресторане, кое-как доехали.

В другой раз, вышли в 12 часов ночи в Тоннельной, встречающих не нашли. Объявляют, что уходит последний автобус в Анапу, Я с вещами и Денисом села в автобус и поехала. Автобус идет без остановок. В Анапе выходим, а там уже Степан Иванович и Иван Иванович ждут. Они на машине ехали за автобусом, мы в Тоннельной в темноте не увидели друг друга. Степан Иванович сказал, если человек мало знает, это плохо, но если слишком много знает, это еще хуже.

Потом как-то Люба провожала нас в Вологде. Денису было 8 лет, а Ксюше 1,5 года. Поезд стоит всего 2 минуты. Билет в вагон № 1, а такого нет, нас посадили во второй. А там эти места заняты. Но та семья скоро вышла, я взяла у проводницы постель, уложила детей спать, а на следующей станции зашла семья с билетами на наши места. Тут только разобрались, что первого вагона не прицепили. А встречающие нас в Тоннельной Степан Иванович, Мишин зять Тарас и Коля Прошутин, искали нас и вагон № 1. Еле встретились.

В Фадеево жизнь однообразная. Пока Денис был один, и я была помоложе, я и одна, и с ним обходила все окрестности. Однажды он чуть не потерялся в кукурузном поле за деревенской баней. Ходили с Денисом в лесополосу за жердеями, на пруд купаться, на «скалу» за ягодами или орехами. А вот с Ксюшей, кажется, никуда не ходили. И в Анапу на море ездить стало еще хуже. Постояли с Ксюшей в Фадеево на остановке часа 2, да и вернулись домой, автобус так и не пришел.

В Череповце с Денисом ездили на катере в Рошино, на Рыбинское водохранилище. Главное, Денис никогда не капризничал, и ничего не просил. В годы дефицита, я выстаивала с ним огромные очереди, по несколько часов, то за колбасой, то за ситцем. То еще за чем-то. Он не просил ни пить, ни есть. Все дефициты давали по норме на человека. Мы с Денисом всегда брали на двоих. Все было плохого качества, но уж об этом не думали, лишь бы досталось. Хорошо, что пришла перестройка. Дали народу жить по своему усмотрению. Кто хотел, перестроил свое положение, кто не хотел, продолжал все пропивать.

Сначала с Денисом, а потом с Ксюшей часто ходила в парк у кинотеатра «Комсомолец», на

детскую площадку. Обоим невозможно было увести домой на обед, всегда с плачем. А после обеда и ванны хорошо спали.

Еще плохое воспоминание у меня от Ксюшиного пребывания на детсадовской даче за городом, в Пулово-Борисово. В городе детсад закрылся на ремонт и на лето его вывезли на дачу. Родителям пригрозили, что если ребенок на дачу не поедет, то с осени ему места в садике не будет. Вот и мы отправили Ксюшу. Лето было опять холодное, дождливое. В июне дети в резиновых сапогах и куртках. Трава мокрая, комаров полно, постель сырая. Помещения летние, без отопления. Ксюша от этого, или еще от чего, несколько раз там ночью описалась. От комаров и мочи ноги расчесала до крови, да она еще у нас аллергичная. До дачи надо было идти пешком через лес и поле с конечной остановки автобуса. Я ходила часто. Один раз Ксюша хотела меня просить, чтобы я каждый день приезжала, и не могла никак выговорить, потому что у нее встал комок в горле. Я стала ее навещать каждый день. Через неделю в выходные съездили туда Люба и Миша и тоже расстроились. Люба там увидела, что Ксюша плачет, и тоже расплакалась. Воспитатели сильно возмутились, что ребенка растрвила. На следующий день Люба на 2 дня легла в больницу, а я опять к Ксюше. Приехала домой, я Мише говорю, другим не с кем ребенка оставить, они мучаются, а у нас-то Ксюша, толи судом приговоренная. На следующий день в обед он привез на такси Ксюшу с вещами домой и все успокоились. А болячки на ногах лечили еще месяц.

Катала и Дениса, и Ксюшу на колесе обозрения в парке, и просто по городу на трамвае ездили. Один раз оставила свою сумку в трамвае. Там было 20 рублей и квитанции на 2 пары Любиных сапог, сданных в ремонт, они были дороже всего. Села в следующий трамвай и доехала до трамвайного парка, чтобы спросить у диспетчера, а там с моей сумкой ждут 2 женщины, когда хозяин найдется. Говорят, хотели подождать, а потом по телефону на квитанции звонить. А в другой раз кошелек в магазине потеряла, вернулась не скоро, но кошелек был у продавца, говорит, мужчина нашел и передал. Да и в Москве позже тоже в магазине мой кошелек находили и передавали заведующей. Это приятные воспоминания и людей хороших тоже много. Но с кошельками и деньгами были и плохие истории, все больше в последние годы в Москве. Люди разные.

Да, очень большую жизнь я прожила, и она сейчас проходит передо мной, как в телевизоре. Сколько километров я прошла пешком и проехала, где только ни побывала, чего ни повидала. Сколько тонн тяжестей переносила на плечах, сколько слез выплакала. Казалось, в Колпашево была уже настоящая жизнь. Было жалко уезжать и еще долго жалела, какой трудовой авторитет потеряла. И никогда не задумывалась, что моей зарплаты тогда даже на дрова не хватало. Но что делать, завела ребенка, надо было выкручиваться. Дочь одна вырастила. Внуков понянчила. Теперь, когда Люба с Мишей живут за границей, а Денис и Ксюша выросли и выучились, все стало хорошо. Но жизнь прошла и ее не вернешь. Только и остались мои воспоминания. Как говорится, жизнь прожить, не поле перейти. Хотелось бы скинуть лет 10 и еще пожить. Но поезд уже ушел.